

К. Г. Юнг.

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ.

Перевод А.М. РУТКЕВИЧА

I. Автономность бессознательного

Целью Терри, учредителя этих лекций, было, очевидно, следующее: "поспособствовать" тому, чтобы представители науки, а равно философии и других областей человеческого знания, смогли внести свой вклад в обсуждение одной из вечных проблем, к каким относится проблема религии. Поскольку Польский университет мне оказал высокое доверие и честь прочитать этот курс лекций в 1937 г., моя задача, как я полагаю, будет заключаться в том, чтобы показать, что же общего с религией имеет психология и что она может сказать нам о религии. Точнее говоря, не всеобщая психология, а та специальная отрасль медицинской психологии, которую я представляю. Так как религия, без сомнения, является одним из самых ранних и наиболее универсальных видов деятельности человеческого ума, то очевидно, что любого рода психология, затрагивающая вопрос о психологической структуре человеческой личности, неизбежно сталкивается по крайней мере с тем фактом, что религия является не только социологическим или историческим феноменом, но имеет личностную значимость для огромного числа индивидов.

Хотя меня нередко называли философом, я между тем остаюсь эмпириком, придерживающимся феноменологической точки зрения. При этом я полагаю, что принципы научного эмпиризма остаются нерушимыми в том случае, если мы время от времени обращаемся к размышлениям, которые выходят за

пределы простого сбора и классификации опытных данных.. Более того, я считаю, что без рефлексии нет и опыта, поскольку "опыт" представляет собой процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего. Из этого следует, что я подхожу к проблемам психологии с научной, а не с философской точки зрения. Поскольку религия обладает весьма существенным психологическим началом, я рассматриваю ее чисто эмпирически, т.е. ограничиваюсь наблюдением феноменов и воздерживаюсь от применения метафизических или философских подходов. Я не отрицаю значимости этих подходов, но не считаю себя достаточно компетентным, чтобы грамотно их применять. Большинство людей считает себя очень сведущими в психологии по одной простой причине: психология для них сводится к тому, что они сами о себе знают. Мне кажется, однако, что психология представляет собой нечто большее. Мало общего имея с философией, она принимает во внимание эмпирические факты, многие из которых труднодоступны для повседневного опыта. Цель этой книги - дать хотя бы беглое представление о том, какое значение имеет практическая психология в изучении религии. Ясно, что проблему такой значимости трудно исчерпывающе изложить в трех лекциях, да и доказательство каждого конкретного положения требует, конечно, значительно больше времени. Первая лекция представляет собой нечто вроде введения в проблемы практической психологии и религии. Во второй лекции речь пойдет о фактах, подтверждающих существование подлинной религиозной функции бессознательного; в третьей рассматривается символика бессознательных процессов.

Так как я буду использовать не совсем обычную, специфическую аргументацию, мне с самого начала надо принять во внимание, что аудитория слабо знакома с исходным методологическим принципом той психологии, которую я представляю. Таким принципом является исключительно феноменологическая точка зрения, имеющая дело с состояниями, опытом, одним словом - с фактами. Истиной для этой

психологии являются факты, а не суждения. Например, говоря о мотиве непорочного зачатия, психология интересуется исключительно фактом наличия такой идеи; ее не занимает вопрос об истинности или ложности этой идеи в любом ином смысле. С точки зрения психологии эта идея истинна ровно настолько, насколько она существует. Психологическое же существование субъективно лишь до тех пор, пока та или иная идея овладевает только одним индивидом, эта же идея становится объективной, когда принимается обществом путем *consensus gentium* (Соглашение между людьми (лат). (Здесь и далее прим. пер.)).

Данная точка зрения является общей для всех естественных наук. Психология подходит к идеям и другим продуктам сознания так же, как, например, зоология к различным видам животных. Слон истинен, ибо существует. Более того, он не является ни умозаключением, ни субъективным суждением творца, это - феномен. Но мы так свыклись с идеей, будто психические события суть продукты воли или произвола, изобретения творца-человека, что нам трудно освободиться от того предрассудка, согласно которому психика и все ее содержание являются нашим собственным изобретением либо более или менее иллюзорным продуктом наших предположений и суждений. Факты свидетельствуют, что определенные идеи существуют почти повсеместно, во все времена. Они воспроизводятся спонтанно, совершенно независимо от миграции идей или от традиции. Они не творятся индивидами, а происходят - даже насильственно вторгаются в сознание индивида. И это не платоновская философия, а это - эмпирическая психология.

Говоря о религии, хочу сразу же пояснить, что я имею в виду под этим понятием. Религия, как на то указывает латинское происхождение этого слова, есть тщательное наблюдение за тем, что Рудольф Отто точно назвал "*numinosum*" - т. е. динамическое существование или действие, вызванное произвольным актом воли. Напротив, оно охватывает человека и ставит его под свой контроль; он тут всегда, скорее, жертва, нежели творец

нуминозного. Какой бы ни была его причина, нуминозное выступает как независимое от воли субъекта условие. И религиозные учения, и *consensus gentium* всегда и повсюду объясняли это условие внешней индивидуальной причиной. Нуминозное - это либо качество видимого объекта, либо невидимое присутствие чего-то, вызывающее особого рода изменение сознания. По крайней мере, как правило. Имеются, однако, некоторые исключения, когда речь идет о практике или ритуале. Великое множество ритуальных действий совершается с единственной целью - по собственной воле вызвать нуминозное посредством неких магических процедур (мольба, заклинание, жертвоприношение, медитация и прочие йогические упражнения, всякого рода самобичевания и т.д.). Но религиозное верование в наличие внешней и объективной божественной причины всегда предшествует таким действиям. Католическая церковь, например, причащает святыми дарами, чтобы наделить верующего духовным благословением. Поскольку этот акт был бы равнозначен принудительному вызову благодати посредством определенно магических процедур, вполне логично утверждать, что божественную благодать в акте причастия никто не способен вызвать принудительно - причастие представляет собой божественное установление, которого не было бы, не будь оно поддержано божьим промыслом².

Религия является особой установкой человеческого ума, которую мы можем определить в соответствии с изначальным использованием понятия "religio", т.е. внимательное рассмотрение, наблюдение за некими динамическими факторами, понятыми как "силы", духи, демоны, боги, законы, идеи, идеалы - и все прочие названия, данные человеком подобным факторам, обнаруженным им в своем мире в качестве могущественных, опасных; либо способных оказать такую помощь, что с ними нужно считаться; либо достаточно величественных, прекрасных, осмысленных, чтобы благоговейно любить их и преклоняться перед ними. В житейском просторечии мы часто говорим, что человек, с энтузиазмом интересующийся каким-то предметом,

"посвятил себя" этому делу; Уильям Джемс замечает, например, что ученый часто не имеет веры, но "по духу он набожен" . Ясно, что под понятием "религия"⁴ я не имею в виду вероучение. Верно, однако, что всякое вероучение основывается, с одной стороны, на опыте нуминозного, а с другой - на piotiv*, на преданности, верности, доверии к определенным образом испытанному воздействию нуминозного и к последующим изменениям сознания. Поразительным тому примером может служить обращение апостола Павла. Можно сказать, что "религия" - это понятие, обозначающее особую установку сознания, измененного опытом нуминозного.

Вероучения представляют собой кодифицированные и догматизированные формы первоначального религиозного опыта . Содержание опыта освящается и обычно застывает в жесткой, часто хорошо разработанной структуре. Практика и воспроизводство первоначального опыта приобрели характер ритуала, стали неизменным институтом, что вовсе не следует расценивать как их безжизненное окаменение. Напротив, они могут на века стать формой религиозного опыта для миллионов людей без малейшей нужды в изменениях. Хотя католическую церковь часто упрекают за чрезмерную ригидность, она все же признает наличие особой жизни догматов, подверженность их изменению и развитию. Даже число догматов беспредельно, и с течением времени оно может возрасти. То же самое верно и по поводу ритуалов. Но все изменения ограничены рамками первоначально испытанных фактов, включающих в себя догматическое содержание и эмоциональную значимость. Даже протестантизм - внешне ставший на путь почти полного освобождения от догматической традиции и кодифицированного ритуала, а потому разбившийся более чем на четыре сотни деноминации - даже протестантизм ограничен тем, что он остается христианством и выражает себя в рамках верования, согласно которому Бог явил себя в Христе, принявшем страдания за род человеческий. Это вполне определенные пределы с четко установленным содержанием - его нельзя

расширить, соединив с буддистскими или исламскими идеями и эмоциями. И все же не вызывает сомнений тот факт, что не только Будда или Мухаммед, Конфуций или Заратустра выступают в качестве религиозных феноменов, но в равной степени этим качеством обладают также Митра, Аттис, Кибела, Мани, Гермес и множество других экзотических культов [1]. Поэтому психолог, пока он остается ученым, не должен принимать во внимание притязания того или иного вероучения на уникальность и владение вечной истиной. Он должен исследовать прежде всего человеческую сторону религиозной проблемы, обратившись к первоначальному религиозному опыту, независимо от того, как этот опыт использован в разных вероучениях. Впрочем, будучи специалистом по нервным и психическим заболеваниям, я исхожу не из конкретных вероучений, но отталкиваюсь от психологии *homo religiosus* - человека, который принимает во внимание и тщательно наблюдает некие воздействующие на него факторы. Тем самым предметом моих исследований становятся и общие условия человеческого существования. И если обозначить и определить эти факторы в согласии с исторической традицией или с антропологическим знанием довольно легко, то сделать то же самое с точки зрения психологии невероятно трудно. Все, что я в силах сказать по вопросу о религии, целиком определяется моим практическим опытом общения с моими пациентами и с так называемыми нормальными людьми. Так как наш опыт других людей в значительной степени зависит от нашего к ним подхода, мне не остается ничего другого как с самого начала дать вам хотя бы общее представление о моей профессии.

Поскольку любой невроз связан с интимной жизнью человека, пациент всегда испытывает немалые колебания, когда ему приходится давать полный отчет о всех тех обстоятельствах и сложностях, которые привели его к болезненному состоянию. Что же мешает пациенту свободно выговориться? Чего он боится, стесняется, стыдится? Конечно, он хорошо осознает наличие внешних факторов, составляющих важные элементы того, что называется

общественным мнением, респектабельностью, репутацией. Однако даже в том случае, когда пациент доверяет врачу и уже перестал его стесняться, он не хочет и даже боится признать некоторые вещи о себе самом, словно самосознание несет ему опасность. Обычно мы боимся того, что нас подавляет. Но есть ли в человеке что-то такое, что может оказаться сильнее его самого? Здесь нужно помнить, что всякий невроз означает деморализацию; пока человек болен, он теряет веру в себя. Невроз - это унижительное поражение, так он ощущается людьми, которым не безразлично их психическое состояние. Причем, поражение нам наносится некой "нереальной" субстанцией. Врачи могли в былые времена убеждать пациента, что с ним ничего по-настоящему не произошло, что действительной болезни сердца или рака у него нет, а симптомы у него воображаемые. Чем больше он укрепляется в вере, что он "malade imaginaire" (Воображаемый, мнимый больной (фр.)), тем больше всю его личность пронизывает чувство неполноценности. "Если симптомы у меня воображаемые, - говорит себе пациент, - то в чем же причина такой путаницы в мыслях, что заставляет меня возвращать такую вредную чушь?" Действительно, нельзя без сочувствия наблюдать интеллигентного человека, почти умоляющего вас поверить, что он страдает раком желудка, и в то же самое время покорным голосом повторяющего, что он, конечно же, знает - рак у него воображаемый. Когда дело касается невроза, привычная нам материалистическая концепция психики едва ли сможет помочь. Если бы душа была наделена какой-нибудь, пусть тонкой, но телесной субстанцией, мы могли бы по крайней мере сказать, что эта, подобная дуновению ветра или дыму, субстанция страдает от вполне реального, хотя в нашем примере и воображаемого, мыслимого заболевания раком - точно так же, как наше грубое тело может стать носителем такого заболевания. Тогда хоть что-то было бы реальным. Вот почему медицина испытывает столь сильную неприязнь ко всему психическому: либо больно тело, либо вообще все в порядке. И если вы не в

силах установить подлинную болезнь тела, то лишь потому, что наши нынешние средства не позволяют врачу обнаружить истинную природу безусловно органических нарушений.

Но что же в таком случае представляет собой психика? Материалистический предрассудок относит ее к простым эпифеноменам органических процессов мозга. С этой точки зрения, всякое психическое затруднение должно быть следствием органического или физического нарушения, которое не обнаруживается лишь в силу несовершенства наших диагностических средств. Несомненная связь между психикой и мозгом в известной мере подкрепляет эту точку зрения, но не настолько, чтобы сделать ее непоколебимой истиной. До тех пор, пока точно не установлено, имелись ли в случае невроза действительные нарушения в органических процессах мозга, невозможно ответить на вопрос, являются ли имеющиеся эндокринные нарушения причиной или следствием.

С другой стороны, не вызывает сомнений тот факт, что подлинные причины неврозов по своему происхождению являются психологическими. Очень трудно себе представить, что для излечения органического или физического нарушения может быть достаточно просто исповеди. Но я был свидетелем случая истерической лихорадки (с температурой 102) [2], исчезнувшей через несколько минут после исповеди, в которой человек рассказал о психологической причине заболевания. Как же объяснить случаи явно физических заболеваний, когда облегчение, а то и исцеление, приходят в результате простого обсуждения болезнетворных психических конфликтов? Я наблюдал псориаз, покрывший практически все тело, который уменьшился в размерах в десять раз за несколько недель психологического лечения. В другом случае пациент незадолго перенес операцию по поводу расширения толстой кишки (было удалено до сорока сантиметров ткани), но вскоре последовало еще большее расширение. Пациент был в отчаянии и отказался от вторичной операции, хотя хирург считал ее неизбежной. После обсуждения с психологом нескольких интимных фактов у пациента все

пришло в норму. Подобного рода опыт - а он не является чем-то из ряда вон выходящим - заставляет отказаться от мысли, будто психика - ничто, а продукты воображения нереальны. Только реальность психики не там, где ее ищут по близорукости: психика существует, но не в физической форме. Смехотворным предрассудком выглядит мнение о том, будто существование может быть только физическим. На деле же единственная непосредственно нам известная форма существования - это психическая форма. И наоборот, мы могли бы сказать, что физическое существование только подразумевается, поскольку материя познается лишь посредством воспринимаемых нами психических образов, переданных нашему сознанию органами чувств. Мы заблуждаемся, когда забываем эту простую, но фундаментальную истину. Даже если у невроза нет иной причины, кроме воображения, она остается вполне реальной. Если некто вообразит, что я его смертельный враг и убьет меня, то я стану жертвой простого воображения. Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными - а в равной степени столь же вредоносными и опасными, - как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений. Средневековые эпидемии бубонной чумы или черной оспы не смогли унести столько жизней, сколько их унесли, например, различия во взглядах на устройство мира в 1914г. или борьба за политические идеалы в России. Хотя своим собственным сознанием нам не дано уловить форму существования психики (ибо у нас нет для этого архимедовой точки опоры вовне), психика существует; более того, она-то и есть само существование. Итак, что же сказать нам в ответ пациенту, вообразившему, что он болен раком? Я бы сказал ему следующее: "Да, друг мой, вы действительно страдаете от чего-то очень похожего на рак, вы носите внутри смертельное зло, которое не убьет вас телесно, ибо имеет бестелесную природу. Но это

зло способно убить вашу душу. Она уже им отравлена, как и отношения с другими людьми. Ваше счастье отравлено им, и так будет продолжаться, пока оно не проглотит целиком ваше психическое существование. В конце концов вы станете не человеком, а злобной разрушительной опухолью".

Ясно, что нашего пациента нельзя признать творцом собственных болезненных фантазий, хотя теоретически он, конечно, считает именно себя владельцем и создателем продуктов своего воображения. Когда человек действительно страдает от онкологического заболевания, он никак не считает себя ответственным за порождение такого зла, хотя раковая опухоль находится в его теле. Но когда речь заходит о психике, мы тотчас чувствуем некую ответственность, словно сами являемся творцами нашего психического состояния. Предвзгляд этот относительно недавний. Еще не так давно даже высококультурные люди верили в то, что психические силы могут воздействовать на наш ум и чувства. Такими силами считались привидения, колдуны и ведьмы, демоны и ангелы, даже боги, которые могли произвести в человеке психологические изменения. В былые времена пациент, вообразивший, что у него рак, переживал бы эту мысль совсем иначе. Наверное, он предположил бы, что кем-то заколдован либо одержим бесами; ему бы и в голову не пришло, что он сам породил такую фантазию.

Я полагаю, что эта идея рака появилась спонтанно, возникла в той части психики, которая не тождественна сознанию. Речь идет об автономном образовании, способном вторгаться в сознание. О сознании мы говорим, что это наше собственное психическое существование, но рак наделен своим собственным психическим существованием, от нас независимым. Данное утверждение полностью соответствует наблюдаемым фактам. Если подвергнуть нашего пациента ассоциативному эксперименту, то скоро обнаружится, что он не является хозяином в своем собственном доме. Его реакции будут заторможенными, деформированными, подавленными или замененными какими-то автономными навязчивыми идеями. На некоторое число слов-стимулов он не сможет ответить сознательно: в ответах будут

присутствовать некие автономные содержания, они часто бессознательны, не осознаются и самими тестируемыми. В нашем случае наверняка будут получены ответы, источником которых является психический комплекс, лежащий в основе идеи рака. Стоит слову-символу коснуться чего-нибудь такого, что связано со скрытым комплексом, и реакция сознательного Эго будет нарушена или даже замещена ответом, продиктованным этим комплексом. Впечатление такое, что этот комплекс представляет собой автономное существо, способное вмешиваться в намерения Эго. Комплексы в самом деле ведут себя словно вторичные или частичные личности, наделенные собственной психической жизнью. Говоря о происхождении многих комплексов надо отметить, что они просто отклонились от сознания - оно предпочло избавиться от них путем вытеснения. Но среди них есть и другие, никогда ранее не входившие в сознание, а потому и не поддававшиеся прежде произвольному вытеснению. Они произрастают из бессознательного и вторгаются в сознание вместе со своими таинственными и недоступными влияниями и импульсами. Случай нашего пациента относится как раз к этой категории. Несмотря на всю его культуру и интеллигентность он стал беспомощной жертвой какой-то одержимости, оказавшись не способным противостоять демонической силе болезнетворной идеи. Она росла в нем подобно настоящей опухоли. Однажды появившись, эта идея непоколебимо удерживалась в его сознании, отступая лишь изредка на короткое время. Такие случаи хорошо объясняют, почему люди опасаются самосознания. За экраном может оказаться нечто - кто знает, что именно, - а потому люди предпочитают "принимать во внимание и тщательно наблюдать" исключительно внешние для их сознания факторы. У большинства людей имеется своего рода первобытная Set'oi^cuftovlcc по отношению к возможным содержанием бессознательного. Помимо естественной робости, стыда, такта присутствует еще тайный страх перед неведомыми "опасностями души". Конечно, мы не признаем столь смехотворную боязнь.

Но нам необходимо понять, что этот страх вовсе не является неоправданным; напротив, у него слишком весомые основания. Мы никогда не можем быть уверены в том, что какая-нибудь новая идея не захватит нас целиком - или наших соседей. Как из современной, так и из древней истории нам известно, что такие идеи могут оказаться весьма странными, такими, что далеко не все люди могут с ними согласиться. В итоге мы получаем сожжение заживо или рубку голов всем инакомыслящим, сколь бы благонамеренными и рассудительными они не были; а сегодня в ход идет более современное, автоматическое оружие. Мы даже не в силах успокоить себя той мыслью, что подобного рода вещи принадлежат отдаленному прошлому. К сожалению, они принадлежат не только настоящему, но и будущему. Номо homini lupus (Человек человеку - волк (лат.)) - это печальный, но все же вечный трюизм. Так что у человека есть причины опасаться тех безличных сил, которые таятся в бессознательном. Мы пребываем в блаженном неведении относительно этих сил, поскольку они никогда (или почти никогда) не касаются наших личных дел в обычных обстоятельствах. Но стоит людям собраться вместе и образовать толпу, как высвобождается динамика коллективного человека - звери или демоны, сидящие в каждом человеке, не проявляют себя, пока он не сделался частью толпы. Там человек бессознательно нисходит на низший моральный и интеллектуальный уровень. Тот уровень, который всегда лежит за порогом сознания, готовый прорваться наружу, стоит подействовать стимулу совместного пребывания в толпе.

Фатальной ошибкой является подход к человеческой психике как чему-то сугубо личностному, либо попытка объяснить ее с исключительно личностной точки зрения. Такой способ объяснения пригоден в ситуации обычных повседневных занятий индивида и в его отношениях с другими. Но стоит возникнуть малейшим трудностям, скажем в форме непредвиденных и неожиданных событий, как тотчас призываются на помощь инстинктивные силы, предстающие в качестве чего-то совершенно необъяснимого, нового,

даже странного. С точки зрения личностных мотивов их уже не понять, они сравнимы, скорее, с паникой дикарей при виде солнечного затмения и тому подобными событиями. Так, попытка объяснения смертельной вспышки большевистских идей личностным отцовским комплексом мне кажется совершенно неадекватной.

Изменения в характере человека, происходящие под влиянием коллективных сил, буквально изумляют. Деликатное и разумное существо может превратиться в маньяка или дикого зверя. Причины тому ищут обычно во внешних обстоятельствах, но ведь взорваться в нас может лишь то, что ранее уже было заложено. Мы всегда живем на вершине вулкана; и пока нет человеческих средств защиты от возможного извержения, которое способно все разрушить, что только может. Конечно, хорошо устраивать молебны в честь разума и здравого смысла, но как быть, если ваша аудитория подобна обитателям сумасшедшего дома или толпе в коллективном припадке? Разница тут невелика, ибо и сумасшедший, и толпа движимы овладевшими ими безличными силами.

Достаточно такой малости, как невроз, чтобы вызвать силу, с которой только разумом не справиться. Наш пример с раком ясно показывает, насколько бессилён интеллект перед лицом самой очевидной бессмыслицы. Я всегда советую моим пациентам принимать такую очевидную, но непобедимую бессмыслицу за проявление силы, смысл которой еще не был понят. Опыт научил меня, что куда более эффективный метод обращения с такими фактами - это принять их всерьез и попытаться найти подходящее объяснение. Но объяснение работает лишь в том случае, если выдвигается гипотеза, соответствующая болезнетворному следствию. В нашем случае мы сталкиваемся с такой волей и с такой силой внушения, которые просто несравнимы со всем тем, что может противопоставить им сознание пациента. В столь опасной ситуации было бы плохой стратегией убеждать пациента в том, что за его симптомом, пусть и самым непостижимым образом, стоит он сам и оказывает поддержку этому симптому. Внушение такого рода тут же

парализует его боевой дух, он будет деморализован. Гораздо лучше, если он будет считать свой комплекс автономной силой, направленной против его сознательной личности. Более того, это объяснение больше соответствует фактам, нежели сведение дела к личностным мотивам. К тому же личностная мотивация тут сохраняется, но не является интенциональной, она органично присуща пациенту.

В Вавилонском эпосе повествуется о том, как дерзость и hubris (Гордыня) Гильгамеша[3] бросили вызов богам; тогда боги изобрели и создали человека, равного по силе Гильгамешу, чтобы тот умерил незаконные притязания героя. То же самое произошло с нашим пациентом. Он относится к тому типу людей, что строят свои отношения с миром исключительно на основе интеллекта и разума. Его притязания привели по меньшей мере к тому, что он замахнулся на формирование собственной судьбы. Он все подвергал беспощадному суду разума, но природе где-то удалось ускользнуть, и она вернулась полная мести в форме совершеннейшей бессмыслицы, т.е. идеи рака. Бессознательное породило такое тонкое и умное образование с одной целью - держать человека в безжалостной узде. Это был сокрушительный удар по всем его разумным идеалам, и прежде всего по вере во всемогущество человеческой воли. Такого рода одержимость свойственна лишь тем, кто постоянно злоупотребляет разумом и интеллектом в эгоцентрических целях роста власти. Гильгамешу, правда, удалось избежать божественного возмездия. К нему приходили вещие сны, на которые он обратил внимание. Они подсказали ему, как лучше одолеть врага. У нашего пациента, живущего в век, когда боги вымерли и даже пользуются дурной репутацией, также были сновидения, но он к ним не прислушался. Как можно разумному человеку быть столь подвластным предрассудкам, чтобы всерьез принимать сны! Этот общий предрассудок по поводу значения сновидений является лишь одним из симптомов куда более серьезной недооценки человеческой души вообще. Удивительное развитие науки и техники было уравновешено, с другой

стороны, поразительной утратой мудрости и интроспекции. Верно, наша религия много говорит о бессмертной душе, но это учение содержит лишь несколько слов о действительной человеческой душе, которой суждено отправиться прямо в ад, не будь особого акта божественной благодати. Эти два важных фактора несут ответственность за общую недооценку значения психики, но не всю ответственность. Намного старше этих сравнительно недавних перемен являются первобытный страх и отвращение ко всему, что граничит с бессознательным. Сознание поначалу было весьма непрочным. В относительно первобытных обществах мы все еще имеем возможность наблюдать, насколько легко утрачивается сознание. Одной из "опасностей души"⁷, кстати, является как раз утрата души, когда часть психики снова становится бессознательной. Другим примером может служить состояние, называемое "амок" - эквивалент "берсерка" в германских сагах . Это состояние большего или меньшего транса, часто сопровождаемого опустошительными социальными последствиями. Даже обычная эмоция может вызвать заметную утрату сознательности. Первобытные племена поэтому строго хранят разработанные формы вежливости, там принято говорить приглушенным голосом, складывать на землю оружие, припадать к земле, склонять головы, показывать раскрытые ладони рук. Даже в наших формах вежливости все еще можно отыскать следы "религиозного" видения возможных психических опасностей. Мы пытаемся умиловать судьбу, магически желая друг другу доброго дня. Левую руку нехорошо держать в кармане или за спиной, когда правой пожимаешь руку другого. Если вы хотите умиловать особенно сильно, вы пользуетесь обеими руками. Перед людьми, наделенными большим авторитетом, мы преклоняем непокрытую голову, т.е. предлагаем им свою голову без защиты, чтобы умиловать сильного, который может вдруг легко перейти к неконтролируемому насилию. Во время военных танцев дикари приходят в такое возбуждение, что могут наносить себе ранения и проливать кровь.

Жизнь дикаря постоянно наполнена заботой по поводу все время таящейся в засаде психической опасности, а потому столь многочисленны процедуры, направленные на уменьшение риска. Высшим проявлением этого факта является табу, наложенное на различные области. Бесчисленные тщательно и со страхом соблюдаемые табу суть ограждения области психики. Я совершил чудовищную ошибку, находясь на южном склоне горы Элгон. Мне захотелось выяснить, что из себя представляют призрачные дома, с которыми я часто сталкивался в лесу, и во время беседы я употребил слово "селельтени", означающее "призрак". Тотчас мои спутники умолкли в тягостном изумлении. Все отвернулись от меня, поскольку я громко произнес тщательно умалчиваемое слово и тем самым навлек самые опасные последствия. Мне пришлось сменить тему разговора, чтобы встречу можно было продолжить. Те же люди уверяли меня, что у них не бывает сновидений; последние были прерогативой вождя и шамана. Позже шаман признался мне, что у него тоже больше нет сновидений: ведь теперь у них есть окружной комиссар. "С тех пор как пришли англичане, у нас больше нет снов, - сказал он, - окружному комиссару все ведомо о войне и болезнях, о том, где нам жить". Это странное суждение основывается на том факте, что сновидения были прежде высшим политическим озарением, голосом "мунгу". Поэтому обычному человеку было бы неразумно полагать, что у него есть сновидения.

Сновидения - это голос Неведомого, которое от века грозит новыми опасностями, жертвами, войнами и прочими беспокойствами. Одному из африканцев как-то приснилось, что враги захватили его в плен и сожгли живьем. На следующий день он собрал своих родственников и стал упрашивать их сжечь его. Они согласились только связать ему ноги и поставили его в костер. Конечно, он после этого сильно хромал, но от своих врагов ему удалось ускакать.

Имеется множество верований и церемоний, существующих с единственной целью - защититься от неожиданного, опасного, таящегося в

бессознательном. Тот необычный факт, что сновидение является божественным гласом и вестником, а одновременно бесконечным источником хлопот, не вызывает проблем в сознании дикарей. Очевидные остатки такой первобытности мы обнаруживаем в психологии еврейских пророков¹¹. Они часто колеблются: прислушаться или нет к этому голосу. Стоит признать, что такому благочестивому человеку как Осия трудно взять в жены проститутку, дабы выполнить приказ Господа. Еще на заре человечества существовал обычай ограждать себя от произвольных и незаконных воздействий "сверхъестественного" с помощью определенных ритуалов и законов. Этот процесс развивался в истории путем умножения ритуалов, инструкций и вероучений. Последние два тысячелетия такой институт как христианская церковь принял на себя посредническую и защитную функции, встав между этими воздействиями и человеком. Средневековые церковные тексты не отрицают того, что божественное вдохновение может иметь место во сне, но это не поощрялось, и церковь оставляла за собой право решать, считать ли такое откровение аутентичным или нет. Несмотря на то, что церковь признает несомненной эманацию определенных сновидений от Бога, она не склонна, более того, отвращается от сколько-нибудь серьезного занятия сновидениями, хотя и признает, что некоторые из них могут непосредственно содержать откровение. Так что перемены последних столетий, по крайней мере с этой точки зрения, вполне приемлемы для церкви, поскольку повлекли за собой упадок прежней интроспективной установки, способствовавшей серьезному подходу к сновидениям и внутреннему опыту. Протестантизм, сровнявший с землей многие ранее тщательно воздвигнутые церковью стены, сразу стал испытывать на себе разрушительные и схизматические воздействия индивидуального откровения. Стоило догматической ограде пасть, а ритуалам утратить действенный авторитет, как человек столкнулся с внутренним опытом, без защиты и водительства догматов и ритуалов, являющихся беспримерной квинтэссенцией как

христианского, так и языческого религиозного опыта. Протестантизм утратил и все тонкости догматов: мессу, исповедь, большую часть литургии и значимость священства служителей культа. Я должен подчеркнуть, что это суждение не является ценностным, да и не имеет такой цели. Я просто констатирую факты. Протестантизм усилил авторитет Библии как заместителя утраченного церковного авторитета. Но, как показала история, некоторые библейские текста можно толковать по-разному. Увеличению божественности священного писания не слишком способствовала и научная критика Нового Завета. Под влиянием так называемого научного просвещения огромная масса образованных людей либо покинула церковь, либо стала к ней глубоко равнодушной. Если бы все они были скучными рационалистами или невротичными интеллектуалами, потеря была бы невелика. Но многие из них являются людьми набожными, однако не согласными с ныне существующими формами вероучения. Иначе трудно было бы объяснить удивительное воздействие движения Бухмана [4] на более или менее образованные слои населения. Повернувшийся спиной к церкви католик обычно тайно или открыто склоняется к атеизму, тогда как протестант, по возможности, следует за сектантским движением. Абсолютизм католической церкви требует столь же абсолютного отрицания, в то время как протестантский релятивизм допускает различные вариации. Может показаться, что я слишком углубился в историю христианства, не имея иной цели, кроме объяснения предрассудков по поводу сновидений и индивидуального внутреннего опыта. Но сказанное мною могло бы стать частью моей беседы с нашим пациентом. Я бы сказал ему, что лучше было бы принять его навязчивые идеи о раке всерьез, нежели считать их патологической бессмыслицей. Но принять всерьез, значит признать это как своего рода информацию-диагноз о том факте, что в реально существующей психике возникли затруднения, которые конкретизировались в идею о растущей раковой опухоли. Пациент, конечно, спросил бы: "А что этот рост собой представляет?". И я бы ответил: "Не знаю", ибо я действительно не

знаю. Хотя, как я уже отметил раньше, это наверняка компенсаторное или дополняющее бессознательное развитие, о его специфической природе и содержании пока ничего не известно. Речь идет о спонтанном проявлении бессознательного, основанном на содержании, которого мы не сможем обнаружить в сознании.

Тогда мой пациент, конечно же, полюбопытствует, а как же я рассчитываю добраться до этого содержания, ставшего источником навязчивого представления. Я сообщу ему в ответ, рискуя повергнуть его в шок, что необходимую информацию нам поставят его сновидения. Мы станем смотреть на них так, словно они проистекают из источника, наделенного умом, целесообразностью и даже как бы личностным началом. Это, без сомнения, смелая гипотеза, и в то же время авантюра, поскольку мы намерены довериться давно дискредитированному существу, само существование которого сегодня по-прежнему отвергается многими психологами и философами. Знаменитый антрополог, которому я изложил свой подход, сделал типичное замечание: "Все это, конечно, интересно, но и опасно". Да, я признаю, что это опасно; столь же опасно, как и сам невроз. Если вы хотите избавиться от невроза, то вам нужно чем-то рисковать. Без известного риска всякое дело не эффективно, это нам слишком хорошо известно. Хирургическая операция по поводу рака также рискованна, и все-таки ее нужно делать. Чтобы быть лучше понятым, я часто поддаюсь искушению и советую моим пациентам - воспринимайте свою психику как некое "тонкое" тело, на котором могут произрастать столь же "тонкие" опухоли. Предвзгляд, согласно которому психика невообразима, а потому ничтожнее дуновения ветра, либо уверенность в том, что она представляет собой некую философскую систему логических понятий - этот предвзгляд столь силен, что люди, не осознавая определенное содержание своей психики, считают его несуществующим. Нет ни доверия, ни веры в достоверность функционирования психики за пределами сознания, а анализ сновидений считается просто смехотворным занятием. В этих условиях мое

предложение может вызвать наихудшие подозрения. И мне взаправду приходилось выслушивать немало всевозможных аргументов против серьезного отношения к смутным призракам сновидений. И все же в сновидениях мы обнаруживаем, даже без всякого глубокого анализа, те же конфликты и комплексы, существование которых устанавливается с помощью ассоциативного теста. Более того, эти комплексы образуют неотъемлемую часть невроза. Поэтому у нас есть веские основания считать, что сновидения могут предоставить нам не меньше информации о содержании невроза, чем ассоциативный тест. А на деле они дают информации куда больше. Симптом подобен стеблю над землей, но основная часть растения - это широкая сеть подземных корней. Эта корневая система и образует содержание невроза; она является матрицей комплексов, симптомов и сновидений. У нас есть все основания утверждать, что сновидения отображают именно эти, так сказать подземные психические процессы. И если мы сможем к ним подобраться, значит сможем достичь "корней" болезни.

Так как в мои цели не входит рассмотрение психопатологии неврозов, я предлагаю избрать другой случай в качестве примера того, как сновидения открывают неизвестные внутренние факты психики. В данном случае сновидцем является также интеллектуал, наделенный удивительным умом и образованностью. Он был невротиком и обратился ко мне за помощью, чувствуя, что невроз становится непреодолимым и медленно, но верно несет психике разрушение. К счастью, его интеллект еще не пострадал, и он мог пользоваться своим тонким умом. Учитывая это, я возложил на него обязанность самому наблюдать и записывать свои сновидения. Они не анализировались и не объяснялись ему - лишь много позже мы принялись за анализ, так что сновидения, о которых пойдет речь, не содержат никаких привнесений. Они представляют собой последовательность событий так, как их наблюдал во сне пациент, без какого-либо вмешательства. Пациент никогда ничего не читал по психологии, не говоря уж об аналитической

психологии.

Поскольку серия состоит из более чем четырехсот сновидений, я могу высказать лишь общее впечатление об этом материале; мною была опубликована подборка из 74 этих сновидений, содержащая мотивы, которые представляют значительный религиозный интерес. Сновидец, стоит об этом упомянуть, был по воспитанию католиком, но уже отошел от веры и не интересовался религиозными проблемами. Он принадлежал к тем интеллектуалам или ученым, которые приходят в удивление, стоит кому-нибудь озадачить их теми или иными религиозными проблемами. Если придерживаешься точки зрения, согласно которой бессознательное представляет собой психическое, существующее независимо от сознания, случай нашего сновидца может быть особенно интересен; естественно, допуская, что мы не ошибаемся, говоря о религиозном характере некоторых сновидений. Если же делать акцент только на сознании и не наделять бессознательное способностью к независимому существованию, то было бы крайне интересно выяснить, выводим ли материал сновидений из содержания сознания. В том случае, если факты будут благоприятствовать гипотезе о бессознательном, мы сможем тогда использовать сновидения в качестве источника информации о возможных религиозных тенденциях бессознательного.

Нельзя сказать, чтобы сновидения нашего пациента имели самое прямое отношение к религии. Однако, среди четырехсот имеются два сновидения явно религиозного содержания. Я приведу теперь текст, написанный самим сновидцем.

"Множество домов, в них нечто театральное, словно какая-то сцена. Кто-то упоминает имя Бернарда Шоу. Упоминается также, что пьеса относится к далекому будущему. Один из домов отмечен вывеской со следующей надписью:

"Это	вселенская	католическая	церковь.
Это		церковь	Господа.

Все, чувствующие себя орудиями Господа, могут войти". И внизу приписка мелкими буквами: "Церковь основана Иисусом и Павлом", - словно речь идет о фирме, хвастающейся древностью основания. Я говорю приятелю: "Давай зайдем, посмотрим". Он отвечает: "Непонятно, зачем такому множеству людей нужно толпиться, чтобы возникло религиозное чувство". Но я ему возражаю: "Ты - протестант. так что тебе не понять". Тут женщина с одобрением кивает головой. Теперь я сознаю, что на стене церкви висит афиша. На ней следующие слова: "Солдаты! Когда вы почувствуете, что вы во власти Господа, избегайте прямо говорить с ним. Господь словам недоступен. Мы также настоятельно рекомендуем вам не вмешиваться в дискуссию об атрибутах Господа. Это было бы бесполезно, ибо все ценное и важное невыразимо. Подпись: Папа (Имя, однако, не расшифровать)".

Теперь мы входим в церковь. Интерьер похож скорее на мечеть, чем на церковь. Собственно говоря, есть сходство со Св. Софией. Скамей нет, это производит удивительное пространственное впечатление. Нет и образов. Только обрамленные сентенции на стенах (как в Св. Софии). Одна из сентенций гласит: "Не льсти благодетелю твоему". Та же женщина, которая одобрительно кивала мне раньше, плачет и говорит: "Тут уже ничего не осталось". Я отвечаю: "Я думаю, все в порядке", но она исчезает. Сначала я стою прямо перед колонной, которая мешает видеть, затем меняю положение и вижу перед собой толпу людей. Я не принадлежу им, стою один в стороне. Они произносят следующие слова: "Мы признаем, что находимся во власти Господа. Царство небесное внутри нас". Они повторяют это трижды самым торжественным образом. Затем орган играет фугу Баха, хор поет. То звучит одна музыка, иногда повторяются следующие слова: "Все остальное только бумага", означающие, что остальное безжизненно. Когда музыка заканчивается, начинается вторая часть церемонии. Как на студенческих встречах, за серьезными вещами следует веселье. Присутствуют спокойные, зрелые люди. Одни ходят туда-сюда, другие

вместе о чем-то разговаривают, они приветствуют друг друга; подается епископальное вино и другие напитки. В виде тоста кто-то желает церкви благоприятного развития, по радиоусилителю передают мелодию в стиле регтайма с припевом: "Чарли нынче тоже в игре". Как будто это представление устроено для того, чтобы выразить радость по поводу какого-то нового члена общества. Священник объясняет мне: "Эти несколько пустопорожние развлечения официально признаны и приняты. Мы должны слегка приспособливаться к американским методам. Когда имеешь дело с огромными толпами, это неизбежно. Наше принципиальное отличие от американских церквей в том, что мы подчеркнуто лелеем антиаскетическую линию". И тут я просыпаюсь с чувством огромного облегчения".

Как вам известно, имеются многочисленные работы о феноменологии сновидений, но лишь немногие касаются их психологии. Причина понятна: это деликатное и рискованное предприятие. Фрейд сделал смелую попытку прояснить запутанность психологии сновидений с помощью воззрений, выработанных им в области психопатологии¹⁴. Как бы я ни восхищался смелостью этой попытки, согласиться с его методом и результатами я не в силах. Он рассматривает сновидение в качестве просто ширмы, за которой тщательно что-то скрывается. Несомненно, невротики стараются скрыть, забыть все неприятное, да и нормальные люди тоже. Вопрос в том, можно ли под эту категорию подводить такое нормальное явление как сновидение. У меня есть сомнения относительно того, что сон есть нечто иное, нежели то, что он собой представляет. Я скорее готов сослаться на авторитетное заключение Талмуда, где говорится: "Сновидение является своим собственным исполнением". Иными словами, я принимаю сон как таковой. Сновидение является настолько сложным и запутанным предметом, что я не решился бы делать предположения о его возможных загадках. Вместе с тем сновидение является, когда сознание и воля в значительной степени погасли. Это естественный продукт, мы обнаруживаем его не только у невротиков. Более того, мы так мало знаем о психологии сновидчества, что нам нужно

быть предельно осторожными, привнося в объяснение сновидений чуждые нам элементы.

По всем этим причинам я полагаю, что разбираемое нами сновидение действительно говорит о религии и ее имеет в виду. Поскольку сон тщательно разработан и плотен, это предполагает некую логику и определенную интенцию, т.е. ему предшествовала мотивация бессознательного, которая находит прямое выражение в содержании сновидения.

Первая часть сна представляет собой серьезное суждение в пользу католической церкви. Некая протестантская точка зрения, будто религия есть дело индивидуального опыта, развенчивается сновидцем. Вторая часть, более похожая на гротеск, представляет собой адаптацию церкви к решительно мирской точке зрения и заканчивается утверждением в пользу антиаскетической тенденции, которую не могла и не стала бы поддерживать настоящая церковь. Но антиаскетический священник сновидца возводит эту тенденцию в принцип. Одухотворенность и возвышенность представляют собой подчеркнута христианские принципы, и всякое их ущемление было бы равнозначным богохульному язычеству. Христианство никогда не было мирским, никогда не превозносило добрососедские встречи с вином и едой, и более чем сомнительно такое приобретение, как джазовая музыка во время службы. "Спокойные и взрослые" личности, перипатетически беседующие друг с другом (более или менее по-эпикурейски), напоминают об идеале античной философии, скорее неприятном для современного христианина. В обеих частях подчеркивается важность мессы или толпы. Таким образом католическая церковь, хотя ей и отдается предпочтение, выступает в паре со странной языческой точкой зрения, несовместимой с фундаментальной установкой христианства. Действительная их несовместимость не явлена в сновидении. Она как бы замалчивается "приятной" атмосферой, где опасные контрасты затемнены и расплывчаты. Протестантская точка зрения - индивидуальное отношение к Богу - здесь

придавлена массовой организацией и соответствующим ей коллективным религиозным чувством. Та настоятельность, с которой говорится о толпе, инсинуация по поводу языческих богов представляют интересные параллели тому, что сегодня творится в Европе. Все дивятся язычеству в нынешней Германии, потому что никто не знает, как интерпретировать дионисийский опыт Ницше. Он предварял опыт тысяч, а затем миллионов немцев, в чьем бессознательном во время войны развивался германский кузен Диониса, а именно - Вотан . В сновидениях немцев, которых я лечил, мне была ясно видна вотановская революция, и в 1918 г. я опубликовал статью, в которой указал на особого рода развитие, которого можно ожидать в Германии . Эти немцы, конечно, не изучали "Так говорил Заратустра" и, безусловно, не были теми молодыми людьми, которые обратились к языческим жертвоприношениям, не имея понятия об опыте Ницше . Поэтому они называли своего бога Вотаном, а не Дионисом. В биографии Ницше вы легко найдете неопровержимые доказательства того, что бог, которого он изначально имел в виду, был на самом деле Вотаном [5]. Будучи филологом и живя в 70-80-е гг. прошлого века, он называл его Дионисом. Если посмотреть с компаративистской точки зрения, у этих богов действительно немало общего.

В сновидении моего пациента нет явной оппозиции к коллективному чувству, массовой религии и язычеству, исключая быстро смолкшего друга-протестанта. Правда, заслуживает внимания любопытное обстоятельство: незнакомая женщина, которая первоначально поддерживала панегирик по поводу христианства, а затем, неожиданно расплакавшись, сказала: "Тут уже ничего не осталось" и безвозвратно исчезла. Кто эта женщина? Для сновидца это расплывчатая и неведомая личность, но когда сон снился ему, он уже знал, что она - та "неведомая", которая часто появлялась в предшествующих сновидениях. Поскольку эта фигура играет огромную роль в мужских сновидениях, у нее имеется техническое обозначение - "Анима"¹⁸, которое было принято

потому, что с незапамятных времен в мифах всегда присутствовала идея о сосуществовании мужского и женского начал в одном теле. Психологические интуиции такого рода обычно проецировались в форме божественной пары Сидиги или в идее творца-гермафродита . Эдуард Мэйтленд, биограф Анны Кингсфорд, в наши дни рассказывает о внутреннем опыте бисексуальной природы божества ; существует герметическая философия с ее внутренним человеком - гермафродитом и андрогинном, "homo Adamicus", который хотя и предстает в мужской форме, всегда носит в себе Еву, т.е. жену свою, "скрытую в его теле", как говорит средневековый комментатор Hennetis Tractatus Aureus22.

Предположительно, Анима есть психическая репрезентация женских генов, находящихся в меньшинстве в мужском теле. Это вероятно тем более, что Анима не встречается среди образов женского бессознательного. Имеется фигура, играющая равнозначную роль, но это не женский, а мужской образ. Этот мужской образ в психологии женщины получил название "Анимус" . Одним из типичных проявлений обеих фигур является то, что издавна именуется "animosity" - враждебность. Анима вызывает аналогичные настроения, Анимус способствует появлению раздражающих тем, неразумных суждений. В обоих случаях это часто встречающиеся в сновидениях фигуры. Как правило, они олицетворяют бессознательное и придают ему специфически неприятный и раздражающий характер. У бессознательного самого по себе нет этих отрицательных качеств. Они появляются лишь вместе с персонификацией, когда возникают эти фигуры и начинают воздействовать на сознание. Будучи лишь частичными личностями, они имеют характер низших женщины и мужчины - отсюда их воздействие, вызывающее раздражение. Мужчина под этим воздействием становится носителем очень неустойчивого настроения, женщина делается спорщицей и все время высказывает совершенно неуместные мнения. Определенно негативная реакция Анимы в сновидении о церкви указывает на то, что женское начало сновидца, т.е. его бессознательное, несогласно с его

установкой. Несогласие начинается с сентенции на стене: "Не льсти благодетелю твоему", с которой согласен сновидец. Смысл сентенции кажется достаточно здравым, поэтому необъяснимо вызванное им отчаяние женщины. Не углубляясь более в эти мистерии, мы удовлетворимся на время тем фактом, что в сновидении содержится противоречие, что очень важное меньшинство покинуло сцену с явным протестом и не обращает внимания на дальнейшее представление.

Из сновидения мы можем сделать вывод, что бессознательное функционирование ума сновидца производит довольно-таки плоский компромисс между христианством и языческой *joie de vivre* (Радость жизни (фр.)). Продукт бессознательного не выражает явно какой-нибудь точки зрения или окончательного мнения. Это скорее драматическое представление акта размышления. Можно было бы сформулировать его следующим образом:

"Как же быть со всей этой религией? Ты ведь католик, не так ли? Тебе этого недостаточно? Но аскетизм! Ну, ладно, даже церковь должна немного приспособливаться - кино, радио, душевные беседы, *five o'clock tea* и т.д. - почему бы не выпить церковного вина и не повеселиться?" Но по какой-то неизвестной причине эта непереносимая таинственная женщина, хорошо известная по многим прежним снам, кажется глубоко разочарованной и уходит.

Должен признаться, что я симпатизирую в данном случае Аниме. Компромисс тут явно поверхностный и дешевый, но он характерен для сновидца, как и для многих других людей, для кого религия хоть что-то значит. Моего пациента религия не касается, и он наверняка не ожидал, что она будет его касаться хоть каким-то боком. Но он пришел ко мне, переживая серьезную душевную драму. Рационалист и в высшей степени интеллектуал, он обнаружил, что эта установка его ума, его философия полностью оставляют его перед лицом невроза и сил разложения. Во всем своем мировоззрении он не нашел ничего, что помогло бы ему вновь обрести

достаточный контроль над самим собой. Он оказался в ситуации человека, покинутого лелеемыми доселе убеждениями и идеалами. В таком состоянии люди нередко возвращаются к религии детства в надежде найти там хоть какую-то помощь. У пациента это не было, однако, сознательной попыткой или решимостью оживить прежние религиозные верования. Они ему просто снились, т.е. его бессознательное воспроизводило своеобразные суждения о религии. Словно дух и плоть, вечные враги в христианском сознании, примирились друг с другом, смягчили противоречие. Духовное и мирское неожиданно пришли к миру. Эффект оказался гротескным и даже комичным. Неумолимая суровость духа была подорвана чуть ли не античным, сопровождаемым вином и розами, весельем. Сновидение воспроизводило духовную мирскую атмосферу, в которой острота морального конфликта притупилась, боль и расстройство преданы забвению. Если в этом и состояло исполнение желания, то желания сознательного, поскольку именно в этом пациент и так зашел слишком далеко. И он это осознавал, так как вино было одним из его злейших врагов. Сновидение, напротив, является безучастной констатацией духовного состояния пациента. Это картина выродившейся религии, испорченной миром, инстинктами толпы. На место нуминозности божественного опыта становится религиозная сентиментальность - хорошо известная характеристика религии, утратившей живую тайну. Легко понять, что такая религия неспособна помочь или возыметь какой-либо другой моральный эффект. В целом сновидение, безусловно, неблагоприятно для пациента, хотя проглядывают другие аспекты, наделенные более положительной природой. Редко бывает так, чтобы сновидения были исключительно позитивны или негативны. Как правило, присутствуют обе стороны, но одна из них обычно преобладает. Понятно, что такого рода сон представляет психологу достаточно материала для того, чтобы поставить проблему религиозной установки. Если бы в нашем распоряжении имелся лишь этот сон, то глубинное его значение едва ли было бы нам доступно. Но у нас есть целая

серия сновидений, в которых появляется эта странная религиозная проблема. Один сон сам по себе я обычно не берусь толковать; как правило, он принадлежит серии. Подобно непрерывности сознательной жизни (регулярно прерываемой сном) имеется, вероятно, и непрерывность бессознательных процессов, в которой даже меньше разрывов, чем в сознании. Во всяком случае мой опыт говорит о том, что сновидения являются звеньями в цепи бессознательных событий. Чтобы пролить свет на глубинные основания данного сновидения, нам нужно вернуться по этой цепи и найти положение этого сна в сериив из четырехсот сновидений. Мы обнаруживаем тогда, что этот сон вклинивается между двумя другими сновидениями, имеющими жуткий характер. Предшествующий сон сообщает о собрании множества народа, о магической церемонии с целью "воссоздать гиббона". Последующий сон также имеет дело со сходной темой - магическим преобразованием животных в людей. Оба сна крайне неприятны и тревожны для пациента. В то время как сон, где присутствует церковь, как бы движется по поверхности и представляет мнения, которые в иных обстоятельствах он мог бы помыслить сознательно, эти два сновидения имеют странный и чуждый характер, а эмоциональный их эффект таков, что сновидец по возможности хотел бы их избежать. Собственно говоря, смысл этого сновидения буквально таков: "Если ты убежишь, то все потеряно". Это замечание любопытным образом совпадает со словами неведомой женщины: "Тут уже ничего не осталось". Мы можем вывести из этих замечаний предположение о том, что сон с церковью был попыткой бегства от других сновидений, имевших место раньше или позже, и наделенных куда более глубоким значением.

II. Догматы и естественные символы

В описании первого из этих сновидений, что предшествовало сну о церкви, говорится о церемонии, с помощью которой воссоздается обезьяна. Чтобы пересказать всю эту процедуру потребовалось бы изложить слишком много подробностей. Я вынужден ограничиться констатацией того, что "обезьяна" относится к инстинктивной личности сновидца, которая полностью игнорировалась им во имя исключительно интеллектуальной установки сознания. В результате инстинкты взяли над ним верх и периодически атаковали его неконтролируемыми вспышками. "Воссоздание" обезьяны означает перестройку инстинктивной личности в рамках иерархии сознания. Такая реконструкция возможна только вместе с важными изменениями установки сознания. Естественно, пациент опасался бессознательных тенденций, поскольку ранее они обнаруживали себя в самой неблагоприятной форме. Последовавший затем сон с церковью представляет собой попытку найти убежище от этого страха под кровом религии. Третий сон о "преображении животных в людей" - очевидным образом продолжает тему первого, т.е. воссоздания обезьяны, с единственной целью - трансформировать ее затем в человеческое существо. Иными словами, чтобы стать новым существом, пациент должен пройти через важные изменения, путем реинтеграции ранее отколотой инстинктивности - тем самым он сможет стать новым человеком. Наше время забыло древние истины, гласившие о смерти ветхого человека и творении нового, о духовном возрождении и прочем старомодном "мистическом абсурде". Моего пациента - современного ученого - не раз охватывала паника, когда он понимал, какую власть над ним обрели подобные мысли. Он опасался безумия, а между тем две тысячи лет назад человек приветствовал бы такие сновидения в радостной надежде на магическое возрождение и обновление жизни. Однако современная установка - это горделивый взгляд на прошлое как на тьму предрассудков, средневекового и первобытного легковерия, это забвение

того, что сама эта установка опирается на всю прошлую жизнь - нижние этажи, на которых покоится небоскреб рационального сознания. Без этих нижних этажей наш ум повис бы в воздухе. Не удивительно, что это нервирует. Подлинная история развития человеческого сознания хранится не в ученых книгах, она хранится в психической организации каждого из нас. Должен признать, что идея об обновлении принимает формы, которые легко могут шокировать современное сознание. Трудно, если не невозможно, соединить образ "возрождения" с картинами, которые рисуют нам сновидения.

Прежде чем обратиться к намекам на это странное и неожиданное преобразование, следует уделить внимание другому явно религиозному сновидению, на которое я мельком указывал ранее. Если сновидение с церковью было одним из сравнительно ранних в данной серии, то следующий сон принадлежит к позднейшим стадиям процесса. Вот его подробная запись.

"Я вхожу в торжественное здание, именуемое "домом внутреннего спокойствия и самососредоточенности". Внизу множество горящих свечей, образующих как бы четыре пирамиды. У дверей дома стоит старец. Люди входят, они не разговаривают друг с другом, чаще всего они замирают, чтобы сконцентрироваться. Старец у дверей рассказывает мне о посетителях этого дома и говорит: "Покидая его, они чисты". Теперь я вхожу в дом, я обрел способность полной концентрации. Голос говорит: "То, что ты делаешь, опасно. Религия - это не налог, уплаченный тобой для того, чтобы избавиться от женского лика, ибо этот лик необходим. Горе тому, кто пользуется религией как заместителем другой стороны душевной жизни. Они заблуждаются и будут прокляты. Религия - не замена, но окончательная завершенность, приданная всякой иной деятельности души. Из полноты жизни родится твоя религия, только тогда будешь ты благословенным". Когда заканчивается последняя фраза, слышится тихая музыка, нечто простое играют на органе, отдаленно напоминающее "волшебство огня"

(Feuerzauber) Вагнера. Покидая дом, я вижу пламенеющую гору и чувствую, что этот неугасимый огонь должен быть священным". Сновидение произвело на пациента глубокое впечатление. Для него это был торжественный и многообещающий опыт, один из тех, что производят полную перемену в отношениях с жизнью и с человечеством. Нетрудно увидеть в этом сновидении параллели с тем, где снилась церковь. Только на сей раз церковь стала "домом торжества" и "самососредоточенности". Нет никаких признаков службы или других атрибутов католической церкви. Единственным исключением являются горящие свечи, собранные в символическую форму, заимствованную, вероятно, из католического культа. Свечи образуют четыре пирамиды, которые, видимо, предуготовливают заключительное видение пламенеющей горы. Число четыре регулярно возникало в его сновидениях - оно играет очень важную роль. Священный огонь, согласно наблюдениям самого пациента, имеет отношение к "Святой Иоанне" Бернарда Шоу. "Неугасимый огонь" - это хорошо известный атрибут Божества не только в Ветхом завете, но и как *allegoria Christi* в неканонической логии[6], упоминаемой в "Гомилиях" Оригена²: "Ait ipse salvator qui iuxta me est, iuxta ignem est, qui longe est a me, longe est a regno" (Говорит сам Спаситель: кто близко от меня, близко от огня, а кто далеко от меня, далеко от царства). Со времен Гераклита жизнь изображалась как *pur aeiwon* (вечно живущий огонь), и так как Христос называет себя жизнью, то это неканоническое высказывание становится понятным и даже достоверным. Символика огня как "жизни" входит в структуру сновидения - подчеркивается "полнота жизни" как единственный законный источник религии. Четыре огненные вершины имеют здесь почти ту же функцию, что и икона, обозначающая присутствие божества (или равнозначной ему идеи). Как я отмечал ранее, число четыре играет в этих сновидениях важную роль, оно всегда отсылает к идее, родственной пифагорейскому tetraktūV. Quaternarium, или четверица, имеет долгую историю. Она присутствует не

только в христианской иконологии и мистической спекуляции⁴ но играет, пожалуй, еще большую роль в гностической философии, и с тех времен проходит через Средние века вплоть до XVIII в.⁶ В обсуждаемом сновидении четверица выступает как самый значимый образец религиозного культа, созданный бессознательным. Сновидец входит в "дом самососредоточенности" в одиночестве, а не с другом, как это было в сновидении с церковью. Здесь он встречает старца, который уже появлялся ранее в его снах как мудрец, указывавший сновидцу то место на земле, которому последний принадлежит. Старец разъясняет, что культ по своему характеру является очистительным ритуалом. Однако из текста сновидения не вполне ясно, о каком роде очищения идет речь, от чего нужно очиститься. Единственным ритуалом оказывается концентрация или медитация, ведущая к экстатическому явлению голоса. Вообще, в этой серии сновидений часто встречается голос. Им всегда произносятся властные заявления или приказы, имеющие либо характер истин на уровне здравого смысла, либо суждений с намеком на философскую глубину. Как правило, это заключительное суждение, звучит под конец сна и, как правило, столь ясно и убедительно, что у сновидца нет против него никаких возражений. Оно имеет характер истины, не подлежащей обсуждению, а потому оно часто предстает как финальный и абсолютно значимый вывод из долгого бессознательного размышления, после тщательного взвешивания всех аргументов. Часто этот голос принадлежит властной фигуре - военачальнику, капитану корабля, старому врачу. Иногда, как и в данном случае, присутствует один голос, идущий как бы ниоткуда. Интересно то, как этот интеллеktуал и скептик воспринимал голос. Сами суждения часто совсем ему не нравились, но все же он принимал их без вопросов и даже со смирением. Таким образом голос являлся на протяжении многих сотен тщательно записанных сновидений как важный и даже решающий образ бессознательного. Поскольку данный пациент ни в коем случае не является единственным наблюдавшимся мною пациентом с феноменом голоса в

сновидениях и в других специфических состояниях, я должен был принять как факт то, что бессознательный ум временами может обретать интеллект и целесообразность, которые намного превосходят сознательное видение. Не вызывает сомнений и то, что голос - это один из основных религиозных феноменов, его можно наблюдать и в тех случаях, когда сознание, так сказать, занято темами, весьма далекими от религиозных. Схожие наблюдения нередки и в других случаях, а потому я должен признать, что понимаю эти данные только так, а не иначе. Я часто сталкивался с возражением, согласно которому мысли, если они провозглашены, могут принадлежать исключительно самому индивиду. Возможно, это и так, во своей мысли я называю ту, что помыслена мною, подобно тому, как я называю деньги своими, если заработал или получил их сознательно и законным путем. Если некто решит преподнести мне деньги в качестве подарка, то я ведь не могу сказать своему благодетелю: "Благодарю Вас за мои собственные деньги", хотя позже я уже могу заявить, что это мои деньги. Точно такая же ситуация и с голосом. Он дает мне какой-то материал, подобно другу, сообщающему мне о своих идеях. Было бы непорядочно, да и неверно, считать, будто сказанное им - это мои идеи. Вот почему я провожу принципиальное различие между тем, что было произведено и присвоено моими собственными сознательными усилиями, и тем, что ясно и безоговорочно является продуктом бессознательного ума. Кто-то захочет возразить, что бессознательный ум все же принадлежит мне, а потому такое различие излишне. Но я не могу сказать с уверенностью, является ли бессознательный ум - моим, так как понятие "бессознательное" предполагает, что я даже не осознаю его наличия. Фактически, понятие "бессознательного ума" является просто удобным предположением⁷. На деле я совершенно бессознателен, иначе говоря, совсем не знаю, откуда доносится этот голос. Я не только не могу воспроизвести этот феномен по своей воле, но я не в силах предугадать и содержание того, что он может до меня донести. Поэтому было бы самонадеянно считать, будто голос мой

принадлежит моему уму. Это было бы не совсем точно. Тот факт, что голос воспринимается вами в вашем сновидении, ничего не доказывает, ибо вы можете слышать и шум на улице, который никак своим не назовете. Только при одном условии вы могли бы на законных основаниях называть голос своим собственным, а именно, если вы считаете свою сознательную личность частью целого, так сказать меньшим кругом, входящим в больший. Мелкий банковский клерк, который водит друга по городу и показывает ему на здание банка со словами: "А вот мой банк", - пользуется той же привилегией.

Мы можем предположить, что человеческая личность состоит из двух частей: во-первых, это сознание и все то, что им покрывается; во-вторых, это расплывчатые глубинные регионы бессознательной психики. Если первое можно более или менее ясно определить и очертить, то целостность человеческой личности необходимо признать недоступной для полного описания или определения. Другими словами, каждая личность содержит в себе некую беспредельную и не поддающуюся определению часть, ибо ее сознательная и наблюдаемая часть не включает в себя ряд факторов, существование которых мы вынуждены, однако, предполагать, чтобы иметь возможность объяснять наблюдаемые случаи. Вот эти-то неизвестные факторы и образуют то, что мы называем бессознательным. У нас нет представления о содержании этих фактов, поскольку мы наблюдаем только их следствия. Мы можем только предположить, что они имеют психическую природу, сравнимую с содержаниями сознания, хотя полной уверенности в этом у нас нет. Но стоит лишь представить себе, что подобие существует, и нам уже не удержаться от дальнейшего развития мысли. Так как содержания нашего ума сознательны и воспринимаются лишь при ассоциации с Эго, значит феномен голоса, наделенного личностным характером, также может принадлежать центру, но уже не тождественному нашему сознательному Эго. Такое рассуждение допустимо, если мы будем считать Эго подчиненным или включенным в Самость - центр тотальной,

беспредельной и не поддающейся определению психической личности . Когда философские аргументы привлекаются лишь для того, чтобы удивить своей сложностью, этот прием не приводит меня в состояние восторга. Хотя мои доказательства могут показаться трудными для понимания, они, по крайней мере, представляют собой честную попытку осмысления наблюдаемых фактов. Проще говоря, так как мы далеки от всезнания, то практически любой опыт, факт или объект содержит в себе нечто неведомое. Так что если мы толкуем о тотальности опыта, то слово "тотальность" может относиться лишь к сознательной части опыта. А так как мы не можем предположить, что наш опыт покрывает собой тотальность объекта, то очевидно, что абсолютная тотальность должна в себя включать еще и ту часть, которая в опыт не вошла. Сказанное верно относительно всякого опыта, а в равной степени и психики, чья абсолютная тотальность покрывает большую часть сознания. Иными словами, психика не является исключением из общего правила, согласно которому мы устанавливаем что-либо о вселенной ровно настолько, насколько это позволяет нам наша психическая организация.

Мои научные исследования вновь и вновь показывали, что определенные содержания психики имеют своим источником слои более глубокие, нежели сознание. Эти слои часто содержат в себе видение или знание более высокого порядка, чем то, что в состоянии произвести сознание. У нас имеется для таких явлений подходящее слово - интуиция. Произнося это слово, большая часть людей испытывает приятное ощущение - словно употребив его, мы смогли что-то себе объяснить. При этом не принимается во внимание тот факт, что не вы осуществляете интуицию - наоборот, это всегда она к вам приходит. У вас есть предчувствие, оно само в вас случилось, а вы его просто улавливаете, если достаточно умны и проворны. Поэтому голос во сне со священным домом я объясняю как принадлежащий более совершенной личности, к которой сознательное "Я" сновидца относится как часть к целому. В этом причина того, что голос демонстрирует

ум и ясность мысли, превосходящие наличное сознание сновидца. Такое превосходство является причиной безусловного авторитета, коим наделен голос.

В том, что произносит этот голос, содержится своеобразная критика установок сновидца. В сновидении с церковью он пытался примирить две стороны жизни при помощи какого-то дешевого компромисса. Как мы уже знаем, неизвестная женщина, Анима, не согласилась с этим и покинула сцену. В последнем сновидении голос, кажется, занял место Анимы - с той разницей, что вместо эмоционального протеста теперь звучит властная речь о двух типах религии. Согласно прозвучавшему приговору, сновидец склонен использовать религию как замещение "образа женщины". Под "женщиной" подразумевается Анима. Это подтверждается следующим изречением, гласящим, что религия используется как заменитель "другой стороны душевной жизни". Она представляет женское начало, лежащее за порогом сознания, т.е. принадлежащее так называемому бессознательному уму. Критику, следовательно, можно понять так: "Ты обращаешься к религии, чтобы бежать от собственного бессознательного. Ты используешь ее как заменитель части своей душевной жизни. Но религия - это плод и кульминация полноты жизни, содержащей обе эти стороны". Тщательное сопоставление содержания этого сна с другими сновидениями той же серии безошибочно показывает, что представляет собой "другая сторона". Пациент все время пытался игнорировать свои эмоциональные нужды. Он опасался, что они могут вовлечь его в неприятности, например, приведут его к женитьбе и ко всякого рода обязанностям - любви, преданности, доверию, эмоциональной зависимости и вообще к покорности душевным нуждам. Обязанности эти не имели ничего общего ни с наукой, ни с академической карьерой; более того, само понятие "душа" было для него каким-то интеллектуальным непотребством, таким, что и прикоснуться страшно.

"Таинство" души для моего пациента - это некое иносказание, ставящее его в

тупик. Он ничего не знал о религии кроме того, что она представляет собой вероучение, и решил, что ею можно заменить определенного рода эмоциональные потребности - их можно обойти, если ходишь в церковь. Предвзвещения нашего века сказались на уровне его понимания. С другой стороны, голос сообщает ему нечто нарушающее всякие условности, неортодоксальное, шокирующее: религия принимается всерьез, ставится на самую вершину жизни. Причем жизни, включающей в себя "другую сторону" и подрывающей тем самым любезные сердцу интеллектуальные и рационалистические предвзвещения. Это был настолько серьезный переворот в сознании, что мой пациент часто опасался, что сойдет с ума. Должен сказать, имея представление о типичных интеллектуалах сегодняшнего и вчерашнего дня, что попавшему в такую переделку человеку можно посочувствовать. Всерьез считаться с "образом женщины", другими словами, с бессознательным - какой удар по просвещенному здравому смыслу! Я начал курс лечения только после того, как пациент записал первую серию из примерно 350 сновидений. Я получил тем самым полное представление о всех нюансах его неупорядоченного опыта. Не удивительно, что он хотел бросить это предприятие. К счастью, у этого человека была своя "религия": он "тщательно принимал во внимание" свой опыт и в достаточной мере обладал

л1

Конечно, можно было бы посчитать этот случай исключением из правил - подобно тому, как все подлинно человеческие и совершенные личности суть исключения. Верно, что подавляющее большинство образованных людей нельзя отнести к цельным личностям, а вместо истинных ценностей они наделены множеством суррогатов. Такое существование неизбежно вызывает невроз, как у нашего пациента, так и у множества других людей. То, что у нас принято называть "религией", в такой степени является подделкой, что я часто спрашиваю самого себя: не выполняет ли такого рода "религия" (я предпочитаю называть ее вероучением) важную функцию в человеческом обществе? Несомненная цель замещения - поставить на место

непосредственного опыта некий набор пригодных символов, подкрепленных твердыней догмата и ритуала. Католическая церковь поддерживает их всем своим непререкаемым авторитетом, протестантская церковь (если этот термин еще применим) настаивает на вере и евангельском благовестии. Пока эти два принципа работают, люди надежно закрыты от непосредственного религиозного опыта¹⁰. Даже если нечто подобное с ними и случится, они могут обратиться к церкви, где им объяснят - пришел ли этот опыт от Бога или от дьявола, принять его или отвергнуть. Мне по роду своей деятельности приходилось встречать людей, которые имели подобный непосредственный опыт и не пожелали подчиниться догматическому авторитету. Мне приходилось наблюдать, как они проходили все стадии исполненных страсти конфликтов, переживали страх безумия, отчаянную путаницу, депрессии, которые были одновременно гротескными и наводящими ужас. Так что я вполне сознаю чрезвычайную важность догмата и ритуала - по крайней мере в качестве методов умственной гигиены. Если мой пациент - католик, я неизменно советую ему исповедоваться и причащаться, чтобы защитить себя от непосредственного опыта, который может оказаться слишком тяжелой ношей. С протестантами обычно много сложнее, поскольку догматы и ритуалы сделались настолько бледными и слабыми, что в значительной степени утратили свою эффективность. Исповедь, как правило, отсутствует, а пасторы разделяют со своей паствой общую нелюбовь к психологическим проблемам и, к несчастью, общее для них психологическое невежество. Католический "руководитель совести", как правило, владеет несопоставимо большим психологическим мастерством. Более того, протестантские пасторы получают на теологическом факультете научную подготовку, которая, в силу господствующего критического духа, подрывает наивность веры, в то время как в подготовке католического священника подавляющую значимость имеет историческая традиция, что способствует укреплению авторитета института церкви.

Конечно, я мог бы, как врач, принадлежать к сторонникам так называемого научного вероучения, свести содержание невроза к вытесненной детской сексуальности или воле к власти. С помощью такого умаления психики можно было бы защитить известное число пациентов от риска появления и переживания непосредственного опыта. Но я знаю, что эта теория лишь частично истинна, т.е. улавливает только отдельные поверхностные аспекты невротической психики. А я не могу убеждать моих пациентов в том, во что сам не верю безоговорочно. Тогда мне могут возразить: "Но вы же советуете католикам ходить в церковь и исповедоваться - в таком случае вы пропагандируете то, во что сами не верите", - имея в виду, что я протестант. В ответ на такую критику я должен сразу заявить, что стараюсь вообще обходиться без проповеди моих верований. Конечно, я держусь моих убеждений, но они не выходят за пределы того, что я считаю своими действительными познаниями. Я убежден в том, что я знаю. Все остальное - это гипотезы, и я отношу к Неведомому множество самых разнообразных вещей. Они меня не касаются. Они начнут меня касаться, если я почувствую, что должен знать о них что-нибудь. Поэтому, если пациент убежден в исключительно сексуальном происхождении своего невроза, то я не стану ему препятствовать, ибо знаю, что такое убеждение, особенно если оно глубоко укоренилось, является превосходной защитой от приступов ужасающей неопределенности непосредственного опыта. Пока эта защитная стена держится, я не стану ее ломать, так как знаю, что должны существовать какие-то весомые причины такой узости кругозора пациента. Но если сновидения начнут разрушать его защитительную теорию, то я буду поддерживать более широкую личность, что я и делал в тех случаях, когда дело касалось описанных выше сновидений.

Точно так же и по тем же мотивам я поддерживаю гипотезы верующего католика, но до тех пор, пока они работают. В любом случае я поддерживаю

защитные средства и не задаю академических вопросов о том, насколько истинны наши представления об этой защите. Мне довольно того, что она работает.

Что же касается нашего пациента, то надо сказать, что в данном случае стена католической защиты рухнула задолго до того, как я с ним столкнулся. Он посмеялся бы надо мной, посоветуй я ему исповедоваться или нечто в этом роде. Точно так же он посмеялся бы и над сексуальной теорией, которая тоже не оказала бы ему поддержки. Но я всегда давал ему ясно понять, что целиком нахожусь на стороне услышанного им во сне внутреннего голоса, в коем я видел часть его будущей цельной личности, назначение которой состояло в том, чтобы освободить нашего пациента от его односторонности. Для интеллектуальной посредственности, со свойственным ей просвещенным рационализмом, всеупрощающая научная теория тоже является очень хорошим защитным средством - в силу потрясающей веры современного человека во все, на что приклеен ярлык науки. Такой ярлык сразу успокаивает, почти так же как "Roma locuta, causa finita". Сколь бы утонченной ни была научная теория, с психологической точки зрения сама по себе она имеет меньшую ценность, нежели религиозный догмат. Причина здесь весьма проста: ведь теория по необходимости является в высшей степени абстрактной, совершенно рациональной, в то время как догмат выражает посредством образа нечто иррациональное. Иррациональный факт, каковым является и психика, куда лучше передается в образной форме. Более того, догмат обязан своему существованию, с одной стороны, так называемому непосредственному опыту "откровения" (богочеловек, крест, непорочное зачатие, Троица и т.д.), с другой - сотрудничеству многих умов, которое не прекращалось на протяжении веков. Быть может не совсем понятно, почему я называю некоторые догматы "непосредственным опытом", тогда как догмат исключает именно непосредственный опыт. Однако упомянутые мною христианские догматы характерны не только для христианства. Они столь же часто встречаются в языческих религиях и,

кроме того, могут спонтанно появиться вновь и вновь в форме самых разнообразных психических явлений, подобно тому, как в отдаленном прошлом они имели своим истоком галлюцинации, сновидения, состояния транса. Они возникли, когда человечество еще не научилось целесообразно использовать умственную деятельность. Мысли пришли к людям до того, как они научились производить мысли: они не думали, а воспринимали свои умственные функции. Догмат подобен сновидению, он отражает спонтанную и автономную деятельность объективной психики, бессознательного. Такой опыт бессознательного представляет собой значительно более эффективное средство защиты от непосредственного опыта, нежели научная теория, которая не принимает во внимание эмоциональную значимость опыта. Напротив, догмат в этом отношении необычайно выразителен. На место одной научной теории скоро приходит другая, догмат же неизменен веками. "Возраст" страдающего богочеловека, по крайней мере, пять тысячелетий, а Троица, наверное, еще старше. Догмат представляет душу полнее теории, ибо последняя выражает и формулирует только содержание сознания. Более того, теория должна передавать живое существо абстрактными понятиями, догмат же способен выражать жизненный процесс бессознательного в форме драмы раскаяния, жертвоприношения и искупления. С этой точки зрения поразительна протестантская схизма. Поскольку протестантизм стал вероучением предприимчивых германских племен с характерным для них любопытством, приобретательством, беспокойством, то вполне вероятно, что эти особенности характера не вполне согласовывались с церковным миром, по крайней мере, на долгое время. Видимо, в церкви слишком многое сохранялось от Imperium Romanum или Pax Romana, чрезмерно много для их еще недостаточно дисциплинированной энергии. Вполне возможно, что им нужен был не ослабленный, менее контролируемый опыт Бога, как это часто случается с предприимчивыми и беспокойными людьми, слишком юными для принятия любой формы консерватизма или самоотречения. Поэтому они

отказались от посредничества церкви между Богом и человеком (одни в большей степени, другие - в меньшей). Убрав защитные стены, протестант утратил священные образы, выражающие важные факторы бессознательного. Тем самым высвободилось огромное количество энергии, которая устремилась по древним каналам любопытства и приобретательства, из-за чего Европа сделалась матерью драконов, пожравших большую часть земли. С тех пор протестантизм становится рассадником расколов и в то же самое время источником быстрого роста науки и техники, настолько привлечших к себе человеческое сознание, что оно забыло о неисчислимых силах бессознательного. Потребовались катастрофа великой войны и последующие проявления чрезвычайного умственного расстройтва, чтобы возникло сомнение в том, что с человеческим умом все в порядке. Когда разразилась война, мы были уверены, что мир можно восстановить рациональными средствами. Теперь же мы наблюдаем удивительное зрелище - государства, присвоившие себе древние теократические притязания на тотальность, которые неизбежно сопровождаются подавлением свободы мнений. Мы вновь видим людей, готовых перерезать друг другу глотку ради детски наивных теорий о возможности сотворения рая на земле. Не слишком трудно заметить, что силы подземного мира - если не сказать ада, - ранее скованные и служившие гигантской постройке ума, творят ныне или пытаются создать государственное рабство и государство-тюрьму, лишённое всякой интеллектуальной или духовной привлекательности. Сегодня немало людей убеждены в том, что простого человеческого разума уже недостаточно для решения громадной задачи - заново усмирить вулкан. Все это развитие подобно року. Я не стал бы возлагать вину за него на протестантизм или Возрождение. Несомненно одно - современный человек, будь он протестантом или нет, утратил защиту церковных стен, старательно возродившихся и укреплявшихся с римских времен. Эта утрата приблизила его к зоне мироразрушающего огня. Темпы жизни ускорились, она сделалась гораздо интенсивнее. Наш мир захлестывают волны беспокойства и страха.

Протестантизм был и остается великим риском, и в то же самое время - великой возможностью. Если он будет и далее распадаться как церковь, это грозит человеку лишением всяких духовных предохранителей и средств защиты от непосредственного опыта сил бессознательного, ждущих высвобождения. Посмотрите на всю невероятную дикость, которая творится в нашем так называемом цивилизованном мире, - все это зависит от людей, от состояния их ума! Посмотрите на дьявольские орудия разрушения! Они были изобретены совершенно безобидными джентльменами, разумными и уважаемыми гражданами, которыми нам так хочется стать. А потом весь мир взрывается, и наступает неопиcуемый ад опустошения, и никто за это, кажется, не несет ответственности. Это происходит словно само собой, но ведь это творение человека. Пока каждый из нас уверен, что он представляет собой лишь собственное сознание, превосходно исполняющее свои обязанности и служащее добыче скромного достатка, никто не замечает того, что вся эта рационально организованная толпа, именуемая государством или нацией, влекома какой-то безличной, неощутимой, но ужасной силой, никем и ничем неостановимой. Эту страшную силу объясняют по большей части страхом соседней нации, в которую словно вселился злобный дьявол. Так как никому не ведомо, насколько сам он одержим и бессознателен, то собственное состояние просто проецируется на соседа, а потому священным долгом объявляется приобретение самых мощных пушек и самых ядовитых газов. Хуже всего то, что это верно: ведь соседи находятся во власти того же неконтролируемого страха. В сумасшедших домах хорошо известно, что самыми опасными являются пациенты, движимые не гневом и не ненавистью, а страхом. Протестант остался в одиночестве перед Богом. У него нет исповеди, отпущения грехов, нет никакой возможности искупления *opus divinum*. Он должен в одиночестве переваривать собственные грехи, не имея никакой уверенности относительно божественной благодати, сделавшейся недостижимой по причине отсутствия пригодного ритуала. Протестантское

сознание сделалось поэтому бдительным, подобно нечистой совести это сознание обрело неприятную склонность вмешиваться в жизнь и затруднять ее людям. Но тем самым протестант достиг уникальной способности осознавать свои грехи, каковая совершенно недостижима для католического сознания, ибо исповедь и отпущение грехов всегда готовы уменьшить чрезмерную напряженность. Протестант же предан этой напряженности, обостряющей его совесть. Последняя - в особенности нечистая совесть - может быть даром небесным, подлинной благодатью, если она выступает как высшая критичность по отношению к самому себе. Самокритичность, интроспективная пронизательность - это необходимое условие постижения собственной психологии. Если вы сделали что-нибудь вас смущающее и спрашиваете себя, что же вас толкнуло на подобное действие, то средством обнаружения подлинных мотивов вашего поведения будет нечистая совесть, наделенная соответствующей способностью к различению. Только тогда вы способны увидеть, какие мотивы направляют ваши поступки. Жало нечистой совести даже прищипывает вас, чтобы вы обнаруживали вещи, которые ранее не осознавались. Тем самым вы можете пересечь порог бессознательного и уловить те безличные силы, которые делают вас бессознательным инструментом того убийцы, который сокрыт в человеке. Если протестант сумел пережить полную утрату церкви и все же остается протестантом, т.е. беззащитным перед лицом Бога человеком, не защищенным более какими бы то ни было стенами или общинами, то у него имеется уникальная духовная возможность непосредственного религиозного опыта. Не знаю, удалось ли мне передать, что означал для моего пациента опыт бессознательного. Объективной мерки для ценности такого опыта не существует. Мы должны принимать его в соответствии с той значимостью, какую этот опыт имеет для переживающей его личности. Вас может удивить тот факт, что при внешней бесполезности некоторые сновидения нечто значат для разумных личностей. Но если вы не принимаете того, что эта личность вам говорит, или не можете поставить себя на ее место, тогда и не

судите. *Genius religiosus* (Божественный дух (лат.)) - это ветер, который дышит, где хочет. Нет такой архимедовой точки опоры, с позиций которой можно было бы судить, ибо психика неотличима от своих проявлений. Психика есть объект психологии и, роковым образом, является одновременно субъектом - от этого факта нам никуда не деться. Некоторые сновидения, выбранные мною в качестве примера "непосредственного опыта", для неопытного глаза, безусловно, не представляют собой ничего выдающегося. Они неброски, будучи скромными свидетельствами индивидуального опыта. Они выглядели бы поинтереснее, если бы я мог представить всю их последовательность во всем богатстве символического материала, вынесенного на поверхность всем ходом этого процесса. Но даже вся эта серия сновидений не сравнится по красоте и выразительности с любой составной частью традиционного вероучения. Последнее всегда является результатом, плодом работы множества умов на протяжении многих веков. Вероучение очищено от всех странностей, недостатков и пороков индивидуального опыта. Но при этом именно индивидуальный опыт, каким бы бедным он ни был, обладает одним важным преимуществом: он являет собой непосредственную жизнь, несет в себе живое биение пульса дня сегодняшнего. Для ищущего истину он убедительнее самой лучшей традиции. Непосредственная жизнь всегда индивидуальна, ибо бег жизни индивидуален; все, что связано с индивидом, уникально, преходяще, несовершенно - особенно, когда речь идет о сновидениях и им подобных продуктах умственной деятельности. Никому другому такие сны не приснятся, даже если у многих те же проблемы. Но как не может быть абсолютно уникального индивида, так невозможны и абсолютно уникальные по своему качеству продукты индивидуального развития. Даже сновидения состоят из в высшей степени коллективного материала - точно так же как в мифологии и фольклоре различных народов некоторые мотивы повторяются чуть ли не в идентичной форме. Я назвал эти мотивы архетипами", под которыми я понимаю формы и образы,

коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и являющиеся в то же самое время автохтонными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы берут свое начало от архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции или миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, так как даже сложные архетипические образы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции.

Теория предсознательных, изначальных идей никоим образом не является моим собственным изобретением, на что указывает уже термин "архетип", принадлежащий к первым векам нашей эры. В применении к психологии мы обнаруживаем эту теорию в работах Адольфа Бастиана, а затем вновь у Ницше¹⁴. Во французской литературе Юбер, Мосс и Леви-Брюль высказывали сходные идеи. Я дал лишь эмпирическое обоснование теории того, что ранее называлось изначальными, или простыми, идеями, "категориями" или "*habitudes directrices de la conscience*", "*representations collectives*" (Направляющие привычки сознания", "коллективные представления" (фр.)) и т. д., путем детального исследования¹⁷. Во втором из обсуждавшихся выше сновидений мы встречались с архетипом, которому я еще не уделял внимания. Это особое сочетание горящих свечей, образующих как бы четыре пирамиды. Тут подчеркивается символическая значимость числа четыре, поскольку пирамиды занимают место иконостаса, священного образа. Храм называется "домом самососредоточенности", поэтому мы можем предположить, что этот символ служит для обозначения алтаря. *Tetraktys*, если воспользоваться пифагорейским термином, действительно относится к "самососредоточенности", как о том ясно свидетельствует сон пациента. Этот символ появляется и в других сновидениях, обычно в форме круга, разделенного на четыре части, в некоторых сновидениях пациента из той же серии он принимает также форму

неразделенного круга, цветка, квадратной площади или комнаты, четырехугольника, глобуса, часов, симметричного сада с фонтаном посередине, четырех людей в лодке, в аэроплане или за столом, четырех стульев вокруг стола, четырех цветов, колеса с восемью спицами, звезды или солнца с восемью лучами, круглой шляпы, разделенной на восемь частей, медведя с четырьмя глазами, квадратной тюремной камеры, четырех времен года, корзинки с четырьмя орехами, мировых часов с диском, разделенным на 4x8-32 подразделения, и т.д.18

Эти символы четверичности встречаются 71 раз в серии из четырехсот сновидений. Данный случай не является чем-то исключительным. Я наблюдал много случаев, где встречается число четыре - оно всегда имело бессознательные истоки. Иначе говоря, образ приходил в сновидении, а сновидец не имел представления о его смысле и никогда ранее не слышал о символическом значении четверицы. Иное дело - число три, поскольку Троица представляет собой общепризнанное и доступное каждому символическое число. Но четверка нам, в особенности современным ученым, говорит не больше, чем любое другое число. Числовой символизм со всей своей заслуживающей почтения историей представляет собой область знания, целиком и полностью лежащую за пределами сознания нашего сновидца. Если сновидения в этих условиях столь настойчиво говорят о важности четверки, то у нас есть полное право считать ее происхождение бессознательным. Нуминозный характер четверицы очевиден во втором сновидении. Из этого факта мы должны сделать вывод, что сновидение указывает на значения, которые мы называем "священными". Так как сновидец не в силах проследить связь этого факта с каким-нибудь сознательным источником, я применяю сравнительный метод, чтобы выявить значение символики. Конечно, в объеме данной книги дать полное представление об этой процедуре сравнения невозможно. Я вынужден ограничиться простыми наметками. Поскольку многие содержания бессознательного кажутся остатками

прошлых ментальных состояний, нам нужно вернуться всего на несколько сот лет назад, чтобы достичь сознания того уровня, которое образует параллель этим содержаниям бессознательного. В нашем случае мы можем отойти назад менее чем на триста лет, чтобы обнаружить себя среди ученых и натурфилософов, которые самым серьезным образом обсуждали проблему *quadrature circuli*. Эта малопонятная проблема сама была психологической проекцией куда более древних и совершенно бессознательных предметов. Но в те дни они еще знали, что круг означает Божество. "*Deus est figura intellectualis, cuius centrum est ubique, circumferentia vero nusquam*" ("Бог есть умопостигаемая фигура, чей центр повсюду, окружность же нигде" (лат.)), как говорил один из этих философов, повторяя Св. Августина. Такой интровертивный и интроспективный человек как Эмерсон не мог не столкнуться с той же идеей, и он тоже цитирует Св.Августина. Образ круга - совершеннейшая форма со времен платоновского "Тимея", высшая власть в герметической философии - передавал также самую совершенную субстанцию - золото, применялся для обозначения *anima mundi* или *anima mediae naturae* (Душа мира, душа сердцевины природы (лат.)), для обозначения света первотворения. А так как макрокосм, Великий мир, был создан творцом *in forma rotunda et globosa* (В форме круга или шара (лат.)), то малейшая частица мира - точка также наделена этой совершенной природой. Как говорит философ: "*Omnium figurarum simplicissima et perfectissima primo est rotunda, quae in puncto requiescit*" ("Из всех фигур простейших и совершеннейших первая есть круг, который покоится в точке" (лат.)). Этот образ Божества, спящего и сокрытого в материи, именовался алхимиками изначальным хаосом, или райской землей, круглой рыбиной в море, либо же просто *rotundum*, или яйцом. Это круглое нечто обладало как бы ключом, с помощью которого можно было проникнуть внутрь материи. Как говорится в "Тимее", только демиург, совершенное существо, способен отворить тетрактис, заключающий в себе четыре элемента, т.е. четыре составные части круглого мира. В одном из авторитетнейших с XIII в.

источников - Turba Philosophorum говорится, что rotundum может разложить медь на четыре составляющие. Также желанное aurum philosophicum было круглым. Мнения разделились относительно процедуры, с помощью которой можно достичь спящего демиурга. Одни надеялись уловить его в форме первоматерии, содержащий в себе особую концентрацию субстанции или особый ее род. Другие пытались создать круглую субстанцию своеобразным синтезом, именуемым "conjunctio". Аноним из "Rosarium Philosophorum" говорит: "Сделай из мужчины и женщины круглый круг, извлеки из него четырехугольник, а из него треугольник. Сделаешь круг круглым, и ты получишь философский камень". Этот чудесный камень символизировался совершенным живым существом - гермафродитом по своей природе, соответствующим σjairoV (Шар, сфера (греч.)) Эмпедокла [7], $\text{eudaimonestatoV QeoV}$, круглому двуполому существу Платона [7]. Еще в начале XIV в. ляпис сравнивался Петрусом с Христом, как *allegoria Christi*[8]. Но в Aurea Hora, трактате псевдо-Фомы XIII в., таинство камня столь же первостепенно, как и таинства христианской религии. Я упоминаю эти факты лишь для того, чтобы показать, что круг или шар, содержащий четверку, обозначал божество для большого числа наших образованных предков.

Из латинских трактатов также видно, что таинственный демиург, спящий или сокрытый в материи, идентичен так называемому homo philosophicus, второму Адаму. Под последним подразумевается высший духовный человек, Адам Кадмон[8], часто отождествляемый с Христом. В то время как первый Адам был смертен, ибо был создан из четырех тленных элементов, второй состоит из единой чистой и нетленной сущности. Псевдо-Фома говорит так: "Secundus Adam de puris elementis in aeternitatem transivit. Ideo quia ex simplici et pura essentia constat, in aeternum manet" ("Второй Адам переходит из чистейших элементов в вечность. Он пребывает в вечности, поскольку состоит из простых и чистых сущностей" (лат.)). Можно сослаться также на слова раннего латинизированного арабского философа, называвшегося

Сениор, - знаменитого и авторитетного на протяжении всех Средних веков: "Есть одна субстанция, которая никогда не умирает, ибо она упорствует в непрестанном возрастании". Этой субстанцией и является второй Адам . Из этих цитат видно, что круглая субстанция, разыскиваемая философами, представляла собой проекцию чего-то сходного по своей природе с символикой наших сновидений. У нас имеются исторические документы, доказывающие, что сны, видения, даже галлюцинации часто примешивались в великие философские труды . Наши праотцы с их наивной умственной конституцией прямо проецировали содержания бессознательного на материю. Такие проекции она могла легко принять, поскольку в то время материя была практически неведомым и непонятным сущим. А там, где человек встречается с чем-нибудь целиком таинственным, он без всякой критичности проецирует на это не-что свои догадки. Так как в наши дни химическая материя хорошо известна, мы уже не можем заниматься подобным проецированием с прежней легкостью, как это делали наши предки. Мы должны, наконец, признать, что тетрактис по своей природе представляет собой нечто психическое; и мы даже не знаем, не окажется ли это тоже проекцией в более или менее отдаленном будущем. Пока что удовлетворимся тем фактом, что идея Бога, полностью отсутствующая в сознании современного человека, возвращается в форме, которая сознательно была ему известна три или четыре столетия тому назад. Нет нужды доказывать, что эти исторические сведения были совсем не известны моему пациенту. Можно сказать вслед за поэтом-классиком: "Naturam expellas furca tamen usque recurret" ("Изгоняемая вилами природа, однако, все вновь возвращается" (лат.)). Идея тех древних философов заключалась в том, что Бог проявил себя прежде всего в творении четырех элементов. Они символизировались четырьмя частями круга. Так, мы читаем в коптском гностическом трактате "Codex Brudanus" о Единорождсимо Деление на четыре, синтез четырех, чудесное появление четырех цветов и четыре стадии работы: nigredo, dealbatio, rubefactio, citrinitas - таковы

постоянные заботы древних философов . Четвери-ца символизирует части, качества и стороны Единого. Но почему мой пациент повторяет эти древние спекуляции?

Не знаю, почему именно он; знаю только, что это не исключительный пример - та же символика спонтанно воспроизводилась во многих других случаях под моим (или моих коллег) наблюдением. В действительности я не считаю, что пациенты получили эту символику от времен трехсот-четырёхсотлетней древности. Просто тот век был одним из периодов, когда эта архстипическая идея выходила на первый план. Идея эта намного старше средневековья, как то показывает уже "Тимей". Но это и не классическое или египетское наследие, ибо обнаруживается она практически повсюду и во все времена. Достаточно вспомнить, например, сколь большую значимость придают четверице американские индейцы. Хотя четверица является древним, предположительно, доисторическим символом³⁶, всегда ассоциировавшимся с идеей мирозозидающего божества, она, тем не менее, редко осознается в этом качестве теми современными людьми, кому явлен ее образ. Меня всегда интересовало, как станут ее истолковывать люди, предоставленные собственным оценкам и слабо осведомленные в истории символа. Поэтому я старался не вмешиваться со своими мнениями и, как правило, обнаруживал, что люди видели в четверице символ самих себя или чего-то иного в них самих. Они чувствовали в ней нечто им принадлежащее, своего рода творческую почву, жизнссозидающее солнце в глубинах бессознательного. Хотя легко заметить, что образы четверицы часто были чуть ли не репликой видения Иезекииля, они улавливали аналогию крайне редко, даже если были знакомы с этим видением , - впрочем, такое знакомство на сегодняшний день явление почти исключительное. То, что можно назвать чуть ли не систематической слепотой, есть лишь следствие предрассудка, согласно которому божество находится вонне человека. Хотя предрассудок этот отнюдь не только христианский, есть религии, которые совсем его не разделяют. Напротив, как

некоторые христианские мистики они настаивают на сущностном тождестве Бога и человека - либо в форме априорного тождества, либо как цель, которую необходимо достичь путем определенного рода практики и инициации, известных нам, например, по метаморфозам Апулея, не говоря уж о методах йоги.

Применение сравнительного метода показывает, что четверица является более или менее непосредственным образом Бога, проявляющего себя в творениях. Мы можем, поэтому, сделать вывод, что спонтанно воспроизводимая в сновидениях людей четверица означает то же самое - Бога внутри. Несмотря на то, что в большинстве случаев люди не осознают этой аналогии, интерпретация может быть, тем не менее, истинной. Если принять во внимание тот факт, что идея Бога представляет собой "ненаучную" гипотезу, то нам понятно, почему люди запомнили о таком мышлении. Даже если они лелеют некую веру в Бога, их отпугивает идея Бога внутри них самих - по причине религиозного воспитания, которое всегда умаляло эту идею как "мистическую". Но именно эта "мистическая" идея усиливается естественными тенденциями бессознательного. И я сам, и мои коллеги знаем столько случаев, когда развивалась эта символика, что мы более не сомневаемся в ее существовании. Мои наблюдения, кстати, датированы 1914 г., но прошло еще 14 лет, прежде чем я решился опубликовать их.

Было бы ошибкой расценивать мои наблюдения как попытку доказательства бытия Бога. Эти наблюдения доказывают только существование архетипического образа Божества - с точки зрения психологии мы больше ничего не можем утверждать о Боге. Но поскольку этот архетип принадлежит к очень важным и влиятельным, его сравнительно частое появление представляет собой немаловажный фактор для любой *theologia naturalis* (Естественная теология (лат.)). Так как нередко опыт этих явлений в высшей степени нуминозен, то он относится к религиозному опыту. Я не могу не привлечь ваше внимание к любопытному обстоятельству: в то

время как центральным христианским символом является Троица, бессознательное символизируется в четверице. Собственно говоря, даже ортодоксальная христианская формула не полна, так как догматический принцип существования зла не присутствует в Троице и связывается с довольно неудобным существованием дьявола. Поскольку тождество Бога и человека представляет собой еретическое допущение³⁷, то и тезис о "Боге внутри" можно расценивать как противоречащий догмату. Но четверица, в том виде как она понимается современным сознанием, прямо предполагает и "Бога внутри" и тождество Бонн с человеком. Вопреки догмату здесь имеется не три, а четыре стороны.. Отсюда легко сделать вывод, что четвертая сторона представляет дьявола. Хотя у нас есть логия: "Я и Отец мой едины. Кто видит меня, видит и Отца", - богохульством и безумием посчитали бы такое подчеркивание догматичной человечности Христа, что человек может отождествиться с Христом и его *homoousia*. Но подразумевается именно это,, а потому с ортодоксальной точки зрения природная четверица можетг быть объявлена "diabolica fraus" (Дьявольский обман (лат.)) - главным свидетельством чего является ассимиляция четвертой стороны, представляющей предосудительную часть христианского космоса. Церковь, как я полагаю, лишает законной силы всякую попытку принять всерьез эти результаты. Более того, она должна осуждать любую попытку приобщиться к этому опыту, поскольку она не может признать, что природа соединяет то" что было ею разделено. Голос природы ясно слышим во всех связанных с четверицей явлениях, а это пробуждает старые подозрения по поводу всего, что связано с бессознательным. Вот почему научное исследование сновидений (а это та же древняя неоромантика) столь же достойно порицания, как и алхимия. Дело в том, что в латинских алхимических трактатах можно найти параллели психологии сновидений, а потому эти трактаты равно исполнены ереси . Для секретности и защитительных метафор имелись достаточные основания³⁹. Символические утверждения древней алхимии исходят из того же бессознательного ума, что и

современные сновидения - они в равной степени являются гласом природы. Если бы мы по-прежнему жили в средневековом мире, где не было серьезных сомнений по поводу последних оснований, где вся история мира начиналась с книги Бытия, мы могли бы с легкостью отмахнуться от сновидений и всего им подобного. К сожалению, мы живем в современном мире, где последние основания сомнительны, где надо принимать во внимание богатую предысторию, где люди убеждены в том, что если нуминозный опыт вообще имеет место, то это опыт психический. Нам уже не дано вообразить себе эмпирея, вращающегося вокруг трона Господня, и мы уже не мечтаем найти Его где-то за пределами галактических систем. Убежищем тайн становится человеческая душа, для эмпирика весь религиозный опыт сжимается до особого состояния ума. Чтобы узнать нечто о значении религиозного опыта для тех, кто его имеет, мы можем сегодня изучать любые его формы. Если он что-нибудь значит, то он значит все для тех, кто его имеет. К этому неизбежному выводу приходишь после тщательного изучения наличного материала. Религиозный опыт можно было бы даже определить как в высшей степени ценный для того, кто его испытывает - каким бы ни было его содержание. В духе старого вердикта "extra ecclesiam nulla salus", современность обращается к душе как к последней своей надежде. Где же еще можно найти такой опыт? Ответ сходен с ранее мною приведенным - им будет голос природы. Всем, кто занят проблемой духовности человека, придется столкнуться с новыми трудными вопросами. Психические осложнения у моих пациентов заставили меня попытаться всерьез рассмотреть по крайней мере некоторые необычайные значения производимой бессознательным символики. Подробное обсуждение интеллектуальных и этических следствий этой проблемы завело бы нас слишком далеко, поэтому я вынужден ограничиться иносказанием. Главные символические фигуры любой религии всегда выражают определенную моральную и интеллектуальную установку. В качестве примера я мог бы взять крест со всеми его многообразными религиозными

значениями. Другим главным символом является Троица. Она имеет исключительно мужской характер. Бессознательное, однако, превращает ее в четверицу, которая одновременно есть единое, подобно тому как три лица в Троице являются единым Богом. Древние натурфилософы представляли Троицу как "imagine in natura" (Представленная в природе (лат.)). как три *asymata* (Бестелесных (греч.)), или "Spiritus", или "volatilia", а именно, как воду, воздух и огонь. Четвертая составная часть - это *to symtion* - земля, или тело. Символом последнего была для них Дева. Так они добавляли женский элемент к своей физической Троице, создавая тем самым четверицу или *circulus quadratus* (Квадратный круг (лат.)), символом коего был гермафродитический *Rebis, filius sapientiae* (Ребис, сын премудрости (лат.)). Средневековые натурфилософы, несомненно, полагали землю и женское начало четвертым элементом. Принцип зла прямо не упоминается, но он проступает в ядовитости *prima materia* и других иносказаниях. В современных сновидениях четверица есть продукт бессознательного. Как я отмечал в первой лекции, бессознательное часто олицетворяется как Анима, женская фигура. Символ четверицы очевидным образом исходит от нее. Она выступает как матрица четверицы, *QeotokoV*, или *Mater Dei*, подобно земле, понимавшейся как Богородица. Но так как женщина, как и зло, исключены из Божества в догмате о Троице, злое начало также образует часть религиозного символа, если последний выступает в форме четверицы. Не требуется особого воображения, чтобы догадаться о далеко идущих духовных последствиях такого развития.

III. История и психология естественного символа

Хотя я не против философского любопытства, но все же предпочитаю не погружаться в обсуждение этических и интеллектуальных аспектов проблемы, поднятых символом четверицы. Достаточно осмысленными и далеко идущими являются его психологические следствия, играющие значительную роль в практике лечения. Так как нас здесь интересует не психотерапия, а религиозная сторона психических феноменов, я был вынужден, обратившись к психопатологии, извлечь эти исторические символы и фигуры из-под слоя могильной пыли¹. Будучи молодым психиатром я ни за что не мог бы себе представить, что придется заниматься чем-то подобным. Поэтому я не удивляюсь, если затянувшееся обсуждение символа четверицы, квадратуры круга и еретических попыток подправить догмат о Троице покажется несколько искусственным и натянутым. Однако в том-то и дело, что все мои рассуждения о четверице, по сути, есть лишь прискорбно краткое и неадекватное введение к обсуждению следующей, заключительной части рассматриваемого нами парадигматического случая. Уже в самом начале анализируемой серии сновидений появляется круг. Он принимает, например, форму змеи, описывающей кольцо вокруг сновидца. В последующих снах он возникает вновь в виде часов, круга с точкой посередине, круглой цели для стрельбы; иногда он принимает образ вечного двигателя, меча, глобуса, круглого стола, бассейна и т.п. Квадрат появляется в форме городского сквера или сада с фонтаном посередине. Несколько позже квадрат связывается с круговым движением : люди, которые ходят кругами по скверу, магическая церемония (преображение животных в людей), происходящая в квадратной комнате, где по углам лежат четыре змеи, а люди ходят от одного угла к другому; сновидец, объезжающий сквер в такси; квадратная тюремная, вращающаяся пустая клетка и т.д. В других сновидениях круг представлен вращением, четырьмя детьми, несущими, например, "темное кольцо" и идущих кругами. Круг появляется в

комбинации с четверицей, как серебряная чаша с четырьмя стульями. Особое внимание уделяется центру. Он символизируется яйцом посреди круга, звездой, составленной из отряда солдат, звездой, вращающейся в середине круга, кардиальные точки которого обозначают четыре времени года, полюсом, драгоценным камнем и т.д. Все эти сновидения неизменно приводили к одной и той же картине, которая являлась пациенту в форме неожиданного визуального впечатления. Ему уже случалось наблюдать такие видения, но на этот раз опыт был особенно сильным. Как он говорит об этом сам: "Это было впечатление самой совершенной гармонии". В таком случае не важно, каковы наши впечатления или что мы об этом думаем. Главное, каковы чувства самого пациента: это его опыт, и если он имел на него глубокое преобразующее воздействие, то нет нужды возражать против него. Психолог может лишь отметить этот факт, и, если он считает эту задачу себе по силам, он может попытаться понять, почему это видение оказало такое воздействие на данную личность. Видение было поворотным пунктом в психологическом развитии пациента. Его можно было бы назвать - на языке религии - обращением. Вот буквальная запись видения: "Вертикально и горизонтально расположены два круга с общим центром. Это мировые часы. Их несет черная птица (пациент обращается здесь к предшествующему сновидению, где черный орел нес золотое кольцо). Вертикальный круг представляет собой голубой диск с белым ободом, разделенный на 4x8-32 части. По диску вращается рука. Горизонтальный круг - четырехцветный; четыре маленьких человечка стоят на нем и переносят стрелку, а по кругу лежит золотое кольцо (из прежнего видения).

У мировых часов три ритма, или биения:

1. Малое биение: рука на голубом вертикальном диске перемещается на одно полуминутное деление (12).
2. Среднее биение представлено полным обращением руки. Одновременно горизонтальный круг перемещается на полуминутное деление.

3. Большое биение: 32 средних биения равны одному обращению золотого кольца".

Видение подводит итог всем иносказаниям и в предшествующих снах. Оно кажется попыткой создания осмысленного целого из ранее фрагментарных символов - круга, шара, квадрата, вращения, часов, звезды, креста, четверицы, времени и т.д. Конечно, нелегко понять, почему такая абстрактная структура вызывает чувство "самой совершенной гармонии". Но если вспомнить о двух кругах в платоновском "Тимее", о гармоничной закругленности *anima mundi*, мы можем найти путь к пониманию. Термин "мировые часы" вновь возвращает нас к античной концепции музыкальной гармонии сфер. Речь идет о своего рода космологической системе. Если в данном случае мы имеем дело с видением твердыни небесной в ее медленном вращении, либо в таком виде предстает постепенное движение солнечной системы, тогда мы можем понять и оценить совершенную гармонию возникшей картины. Мы имеем основания также предположить, что платоновское видение космоса легким проблеском пробивается здесь сквозь туман полусознательного состояния. И все же есть в этом видении пациента нечто такое, что не согласуется с гармоничным совершенством платоновских представлений. Два круга различны по своей природе. Различны не только их движения, но и цвета. Вертикальный круг голубой, горизонтальный содержит четыре цвета, он с золотым ободом. Голубой круг вполне может символизировать голубую полусферу неба, тогда как горизонтальный "представляет" горизонт и четыре стороны света, персонифицированные в четырех цветах (в более раннем сновидении кардинальные точки представляли то в виде четверых детей, то четырех времен года). Эта картина сразу напоминает о средневековых образах мира в форме круга, или *hex glorie* с четырьмя евангелистами [9], или же *melothesia*, где горизонтом служил Зодиак. Образ торжествующего Христа, кажется, выводим из сходных изображений Тора и четырех его сыновей⁴. Можно сослаться также и на восточные аналогии: буддистские

мандалы, или круги, обычно тибетские по своему происхождению. Они представляют собой, как правило, круглую падму или лотос, в который вписано квадратное священное здание с четырьмя воротами, указывающими на четыре стороны света и четыре времени года. В центре находится Будда, чаще всего в соединении с Шивой и его Шакти или равнозначным символом *doṛje* (молнии) . Эти круги являются янтрами, или ритуальными орудиями, служащими созерцанию, концентрации и окончательной трансформации сознания йога в божественное всезнание .

Сколь бы поразительными ни казались эти аналогии, они не вполне нас удовлетворяют, ибо все они до такой степени подчеркивают значение центра, что кажутся созданными лишь для того, чтобы выразить важность центральной фигуры. В нашем же случае центр пуст. Это просто математическая точка. Что же касается аналогичных кругов, то они символизируют мирозадающее и правящее миром Божество, либо человека в его зависимости от небесных созвездий. В нашем случае в качестве символа предстают часы, обозначающие время. Единственным известным мне аналогом такого символа является изображение гороскопа: у него также есть четыре кардинальные точки и пустой центр. Отмечу и еще одно любопытное совпадение: в предшествующих сновидениях неоднократно замечалось, что вращение происходит обычно справа налево. У гороскопа имеется двенадцать домов, и движение от одного к другому идет налево, т.е. против часовой стрелки.

Но гороскоп состоит только из одного круга, и, кроме того, в нем нет сочетания двух явно различных систем. Так что гороскоп не является удовлетворительным аналогом, хотя он и может пролить некоторый свет на временной аспект нашего символа. Мы были бы вынуждены оставить наши попытки найти психологические параллели, если бы не существовала настоящая сокровищница средневековой символики. По счастливой случайности, я познакомился с малоизвестным средневековым автором, Гийомом де Дипойвилем, приором Шалисского монастыря, нормандским

поэтом, написавшим три "пелеринажа" между 1330 и 1355 гг. Они называются *Le Pelerinage de la Vie Humaine. de l'Ame et de Jesus Christ*. В последнем из странствий - *Chant du Pelerinage de l'Ame* - мы находим видение

Рай состоит из сорока девяти вращающихся сфер. Они называются "siecles", столетиями, будучи прототипами или архетипами земных столетий. Но как объяснит Гийому ангел, который служит ему вожатым, церковное выражение *in saecula saeculorum* означает вечность, а не обычное время. Золотые небеса окружают все сферы. Когда Гийом смотрит вверх на золотое небо, он неожиданно замечает малый круг, размером всего около трех футов шириной и цвета сапфира. Он говорит об этом круге: "*le sortait du ciel d'or en un point et y rentrait d'autre part et il en faisait le tour*" ("Он сошел с золотого неба в одной точке и вернулся к ней с другой стороны, сделав, таким образом, целый круг"). Очевидно, что голубой круг вращался, подобно диску, по большому кругу, который рассекал золотую небесную сферу. Здесь две различные системы, золотая и голубая - одна проходит сквозь другую. Что представляет собой голубой круг? Ангел вновь поясняет изумленному

Гийому:
*Ce cercle que tu vois est le calendrier, Qui en faisant son tour entier, Montre les Saints les jours, Quand elles doivent etre fetees. Chacun en fait le cercle en tour Chacune etoile y est pour jour, Chacun soleil pour l'espace De jours trente ou Zodiaque**.

Сей календарный круг за годом год совершает неизменный оборот, указывая имена святых и дни, когда нам чтить пристало их. Они спешат по кругу чередой, и каждый день - под собственной звездой. А тридцать дней на каждый звездный знак все вместе нам составят Зодиак.
 (Перевод с фр. 10. Стсфапова)

Голубой круг - это церковный календарь. Таким образом мы имеем еще одну параллель - временное начало. Напомним, что в видении нашего пациента время измеряется тремя биениями. Календарный круг Гийома примерно трех

футов в диаметре. Более того, когда Гийом смотрит на голубой круг, неожиданно появляются три духа, облаченные в пурпур. Ангел объясняет, что пришло время праздника в честь этих трех святых, и продолжает речь о Зодиаке в целом. Когда он подходит к Рыбам, то упоминает о празднике двенадцати рыбаков, который предшествует Св. Троице. Здесь Гийом вмешивается и говорит ангелу, что никогда не понимал вполне символа Троицы. Он просит ангела смилостивиться и объяснить таинство. На что тот отвечает:

Развитие современной психологии ведет к значительно лучшему пониманию человека. Боги жили когда-то в своей сверхчеловеческой силе и красоте на вершинах гор, одетых в снега, в темноте пещер, лесов и морей. Позже они слились в " одного Бога, а затем этот Бог стал человеком. Но в наше время боги собраны в лоне обычного индивида: они столь же могущественны и вызывают прежний трепет, несмотря на самое новое облачение - они сделались так называемыми психическими функциями. Люди думают, будто держат свою психику в собственных руках, они даже мечтают создать о ней науку. На самом же деле матерью является она - она создает психического субъекта и даже самую возможность сознания". Психика настолько выходит за пределы сознания, что его легко можно сравнить с островом в океане. Остров не велик, узок, океан безмерное широк и глубок. Поэтому не так уж важно, если речь идет о пространственном местоположении, где находятся боги - вовне или внутри. Но если исторический процесс деспиритуализации, исчезновения проекций будет продолжаться, то все божественное или демоническое должно вернуться в душу, внутрь человека, совсем об этом не ведающего. Материалистические заблуждения были поначалу неизбежными. Коли трон Господень не удастся найти среди галактик, то Бог никогда не существовал - таким был вывод. Второй неизбежной ошибкой был психологизм: если Бог и представляет собой нечто, то он должен быть иллюзией, возникающей из неких мотивов, например, из страха, из воли к власти, вытесненной сексуальности. Эти аргументы не новы. Сходные вещи

говорили христианские миссионеры, повергавшие языческих идолов. Но если в те времена миссионеры сознавали, что служат новому Богу поражая старых, то нынешние иконоборцы не признают, во имя чего они разрушают старые ценности. Ницше со всею сознательностью и ответственностью сокрушал старые скрижали, но все же он чувствовал нужду в возрожденном Заратустре, как бы второй собственной личности, alter ego, с которым он часто отождествляет себя в великой трагедии "Так говорил Заратустра". Ницше не был атеистом, но его Бог умер. Результатом был внутренний раскол, и Ницше должен был назвать это другое "Я" "Заратустрой" или "Дионисом". В своей роковой болезни он подписывал свои письма "Загрей" - разорванный на части Дионис фракийцев. Трагедия "Заратустры" в том, что со смертью Бога Ницше сам сделался богом, а это произошло как раз потому, что он не был атеистом. Он был слишком положительной натурой, чтобы удовлетвориться вероучением, сводившимся к отрицанию. Такому человеку опасно утверждать, что Бог умер. Он тут же делается жертвой "инфляции" . Так как идея Бога обладает огромной психической интенсивностью, безопаснее верить, что его автономная интенсивность исходит не от Эго, что это иное, сверхчеловеческое существо, totaliter-aliter (Наклонность, склонность (фр.)). Верующему в это человеку необходимо чувствовать себя маленьким - примерно таким, каковы его реальные размеры. Но если он заявляет, что tremendum (Внушающий трепет, страшный (лат.)) умерло, то он сразу обнаруживает исчезновение той значительной энергии, которой он наделял ранее божественное существование. Энергия может теперь выйти на поверхность под иным именем, например, может называться "Вотаном" или "Государством", либо каким-нибудь словом, заканчивающимся на "изм". Даже атеизмом, в который люди веруют, на который надеются так, как раньше верили в Бога. Так как энергия огромна, то результатом будут столь же значительные психологические нарушения в форме диссоциации личности. Раскол может произойти на две или множество личностей. Словно одно лицо не в силах нести всю эту энергию, так что части личности, ранее

бывшие функциональными единицами, неожиданно откалываются и обретают значимость автономных личностей. К счастью для остального человечества, столь чувствительных и религиозных индивидов, как Ницше, сравнительно немного. Если посредственность теряет идею Бога, то ничего не происходит - по крайней мере сразу и непосредственно с человеком. Но социальные массы начинают выкармливать психические эпидемии, каковых у нас сегодня предостаточно. Опыт мандал типичен для людей, которые уже не могут проецировать божественный образ. Им грозит опасность инфляции и диссоциации. Круглые или квадратные ограждения имеют значение магических средств, с помощью которых создаются защитные стены, *vas heneticum*, чтобы предотвратить прорыв и дезинтеграцию. Таким образом, мандала обозначает (и поддерживает) исключительную концентрацию на самом себе. Это состояние никоим образом не эгоцентрическое. Напротив, это необходимый самоконтроль, препятствующий инфляции и диссоциации. Ограждение, как мы видели, имеет также значение *re/ievof*, как говорили греки, т.е. огражденная территория, прилегающая к храму или любому другому изолированному священному месту. Круг в этом случае защищает или изолирует внутренний процесс, который не должен смешиваться с внешними вещами. Мандала символически повторяет архаические пути и средства, которые были ранее конкретными реальностями. Я уже отмечал, что обитателем теменоса был Бог. Но пленник или хорошо охраняемый обитатель мандалы не похож на Бога, поскольку используемые символы, например звезды, кресты, шары и т.п., обозначают не Бога, но скорее наиболее важную часть человеческой личности. Можно даже сказать, что сам человек (или сокровенные глубины его души) представляет собой этого пленника или защищаемого обитателя мандалы. Так как современная мандала имеет удивительное сходство с другими магическими кругами, в центре которых мы обычно находили Божество, то очевидно, что человек в современной мандале - всесовершенный человек - заменил Божество.

Примечательно, что такое замещение является естественным и спонтанным событием, происходящим всегда бессознательно. Если мы хотим знать, что произойдет в том случае, когда идея Бога уже не проецируется вовне как автономное существо, ответ бессознательного на то таков: бессознательное производит новую идею человека в *locus dei*, идею человека обожествленного или божественного, заключенного, сокрытого, защищаемого, обычно идею дегуманизованную, выражаемую посредством абстрактной символики. Символы часто намекают на средневековую концепцию микрокосма и макрокосма, как это было с видением мировых часов моему пациенту. Примечателен также тот факт, что многие процессы, ведущие к проявлению мандалы, и сама она кажутся прямыми подтверждениями средневековых спекуляций. Словно эти люди читали древние трактаты о философском камне, об *aqua reppanens* - божественной воде круглости и квадратности, четырех цветах и т.д., хотя они близко не подходили к алхимической философии и ее малопонятной символике. Нелегко соответствующим образом оценить эти факты. Их нужно объяснить регрессией к архаическим способам мышления, если вращать внимание прежде всего на явные и впечатляющие параллели со средневековой символикой. Но будь это регрессией к архаике, результатом была бы адаптация на более низком уровне и соответствующая ей невысокая эффективность. Такой результат, однако, для этих случаев нетипичен. Напротив, невротическое и диссоциированное состояние существенно улучшается, к лучшему меняется весь характер пациентов. Адаптированность также возрастает, и ей ничто не мешает. Поэтому вышеозначенный процесс не стоит объяснять регрессией. Скорее это продолжение того психологического процесса, которые начался в раннем средневековье, а может быть, и во времена раннего христианства. Есть документальные свидетельства о том, что важнейшие его символы существовали в I в. н.э. Я имею в виду греческий трактат "Комариос, архипастырь, обучающий Клеопатру божественному искусству" . Текст, без

сомнения, имеет языческие и египетские источники. Имеются также мистические тексты Зосимы, гностика II в.²⁵ Здесь уже заметны иудейские и христианские влияния, хотя символика остается в основном языческой и близкой к философии Gfpus Henneticum²⁶. Тот факт, что близкая этим мандалам символика прослеживается в языческих источниках, заставляет иначе взглянуть на эти внешне современные психологические явления. Кажется, что они продолжают гностицизм, не будучи с ним связаны прямой традицией. Если я прав в том, что всякая религия есть спонтанное выражение определенных господствующих психологических состояний, то христианство сформировало то состояние, которое господствовало в начале нашей эры и было значимым на протяжении многих последующих столетий. Однако христианство выразило одно доминировавшее тогда состояние, что не исключает существования других, столь же способных найти религиозное выражение. Христианство должно было какое-то время сражаться с гностицизмом, который, как всем известно, был другим состоянием, почти равносильным "христианскому". Гностицизм был полностью уничтожен, а его останки были настолько искромсаны, что требуется специальное исследование для того, чтобы получить хоть какое-то представление о его внутреннем смысле. Но если исторические корни наших символов уходят за пределы Средних веков, то они наверняка обнаруживаются в гностицизме. Должен признать, в этом есть известная логика: психологическое состояние, ранее подавленное, должно вновь начать утверждать себя, когда начинают убывать главные идеи подавлявшего состояния. Несмотря на подавление гностической ереси, она продолжала существовать в Средние века в обликах алхимии. Хорошо известно, что алхимия состояла из двух взаимосвязанных частей: с одной стороны, собственно химические исследования, с другой - "theoria" или "philosophia". Как гласит титул псевдо-Демокрита (V в.): та увоііса кей та fivcrmcđ - эти два аспекта шли рука об руку еще в начале нашей эры. То же самое верно относительно Лейденского папируса и

произведений Зосимы III в. Религиозные и философские воззрения античной алхимии были гностическими. Они группируются вокруг не совсем ясной идеи. Ее можно бы, наверное, сформулировать следующим образом: *anima mundi*, демиург или божественный дух, взрастивший в себе хаос первоначальных вод, сохранился в материи в потенциальном состоянии, а вместе с ним осталось и первоначальное хаотическое состояние²⁸. Так что философы, или "сыновья мудрости", как они сами себя называли, считали свою знаменитую первоматерию частью изначального хаоса, беременного духом. Под "духом" они понимали полуматериальную пневму, своего рода "тонкое тело", которое они называли "летучим" и химически отождествляли с оксидами и другими растворимыми компонентами. Они называли дух Меркурием, который химически был ртутью, а философски - Гермесом, богом откровения, который, под именем Гермеса Трисмегиста, был самым высоким авторитетом в алхимии. Их целью была экстракция изначального божественного духа из хаоса. Этот экстракт назывался *Qelov*, Чудесная жидкость, божественная вода, именуемая небом или небесами, возможно, соотносима с небесными водами из книги Бытия (1,6). В функциональном аспекте она мыслилась как вода крещения, как церковная святая вода, содержащая в себе созидательные и преобразующие качества. Католическая церковь по-прежнему совершает ритуал *benedictio fontis* во время *sabbatum Sanctum* перед Пасхой³³. Ритуал состоит из повторения *descensus spiritus sancti*. Обычная вода приобретает тем самым божественные свойства - она преобразует человека и дает ему духовное возрождение. Это в точности алхимическая идея о божественной воде, и потому не трудно было бы вывести *aqua rennans* алхимии из ритуала *benedictio fontis*, не будь первая языческой по своим истокам и безусловно старше второго. Мы находим чудесную веду в первых трактатах греческой алхимии, принадлежащих к I в.³⁴ Более того, *descensus spiritus in physis* - это гностическая легенда, оказавшая величайшее влияние на Мани. Вероятно через манихейство она стала одной из главных идей латинской алхимии.

Целью философов было преобразование несовершенной химически материи в золото, panacea или elixir vitae, но философски или мистически речь шла о преобразении в божественного гермафродита, второго Адама, благословенное и нетленное тело воскресения, или lumen luminum, просветление человеческого ума, или Sapientia. Вместе с Рихардом Вильгельмом я показал, что китайская алхимия придерживалась той же идеи - целью opus magnum там является творение "алмазного тела". Все эти детали служат тому, чтобы связать мои психологические наблюдения с историей. Без исторических связей они повисли бы в воздухе, были бы просто любопытной безделкой. Я уже указывал на то, что связь современной символики с древними теориями и верованиями не зависит прямо или косвенно от традиции, даже от тайной традиции, как это часто предполагалось³⁹. Самое тщательное исследование всегда исключало возможное знакомство моих пациентов с такого рода книгами или идеями. Кажется, их бессознательное работало в том же направлении, которое временами заявляло о себе на протяжении последних двух тысяч лет. Такая непрерывность может существовать лишь вместе с биологической передачей по наследству определенного бессознательного состояния. Под этим я подразумеваю, естественно, не наследование представлений, каковое было бы трудно, если не невозможно, доказать. Наследуемое свойство должно быть, скорее, чем-то вроде возможности регенерации тех же или сходных путей. Я назвал эту возможность "архетипом", что означает ментальную предпосылку и характеристику церебральной функции⁴⁰. В свете таких исторических параллелей мандала символизирует либо божественное существо, ранее сокрытое и спящее в теле, а теперь извлекаемое и оживающее; либо символизирует тот сосуд или пространство, в котором происходит преобразование человека в божественное существо. Я понимаю, что такие формулировки напоминают дикие метафизические спекуляции. Мне очень жаль, но именно их производит и всегда производил человеческий ум. Психология, полагаящая, что она может обойтись без

таких фактов, должна их искусственным образом исключать. А я считаю это философским предрассудком, несовместимым с эмпирической точкой зрения. Я должен, видимо, подчеркнуть, что такими формулировками мы не устанавливаем метафизических истин. Это лишь утверждения о том, как функционирует человеческий ум. Фактом является и то, что мой пациент почувствовал себя значительно лучше после видения мандалы. Если вам понятна та проблема, которую это видение решило для него, то вам будет понятно и то, почему он испытал такое чувство "совершенной гармонии". Без всяких сомнений я исключал бы всякие спекуляции о возможных последствиях столь малопонятного и далекого от нас опыта, как видение мандалы, будь это осуществимо. Для меня этот тип опыта не является ни малопонятным, ни далеким. Напротив, это мое повседневное профессиональное занятие. Я знаю немало людей, которые должны всерьез считаться со своим опытом, если они вообще хотят жить. Им остается выбор между дьяволом и морской пучиной. Дьяволом является мандала или нечто ей подобное, а пучиной - невроз. В дьяволе есть хоть что-то героическое, тогда как пучина означает духовную смерть. Здравомыслящий рационалист заметит, что дьявола я изгоняю с помощью Вельзевула и подменяю честный невроз болтовней о религиозных верованиях. На первое замечание мне нечего возразить, так как я считаю себя экспертом по метафизике, но на второе я должен ответить так: ведь речь идет не о верованиях, а об опыте. Религиозный опыт абсолютен. Он несомненен. Вы можете сказать, что у вас его никогда не было, но ваш оппонент скажет: "Извините, но у меня он был". И вся ваша дискуссия тем и закончится. Неважно, что мир думает о религиозном опыте; для того, кто им владеет, - это великое сокровище, источник жизни, смысла и красоты, придающий новый блеск миру и человечеству. У него есть вера и мир. Где тот критерий, по которому вы можете решить, что эта жизнь вне закона, что этот опыт не значим, а вера - просто иллюзия? Есть ли, на самом деле, какая-нибудь лучшая истина о последних основаниях, чем та, что помогает вам жить? Вот почему я столь

тщательно принимаю во внимание символы, порожденные бессознательным. Они нас попросту превосмогают, - так можно передать по-английски латинское *convincere*. То, что исцеляет от невроза, должно быть превосмогающе убедительным, а так как невроз слишком реален, то исцеляющий опыт должен быть в равной степени реальным. Если оставаться пессимистом, то в данном случае речь идет о весьма реальной иллюзии. Но какая разница между реальной иллюзией и помогающим религиозным опытом? Разве что чисто словесная. Вы можете сказать, что жизнь - это болезнь с очень скверным прогнозом; болезнь длится годами и заканчивается смертью. Или сказать, что нормальность представляет собой превалирующий конститутивный дефект; или что человек есть животное с фатально разросшимся мозгом. Такого сорта мышление является прерогативой ворчунов с несварением желудка. Никто не знает, каковы последние основания. Мы должны поэтому принимать их такими, какими мы их испытываем, И если этот опыт помогает, делает жизнь более здоровой, прекрасной, совершенной, удовлетворяющей и вас, и тех, кого вы любите, вы можете спокойно сказать: "Это была милость Господня".

Примечания

' Otto R. Das Heilige. 1917. Gratia adiuvans и gratia sanctificans (благодать поддерживающая и благодать освящающая) являются результатом sacramentum ex opere operato (таинство из свершения свершившегося). Причастие эффективно благодаря тому, что оно было учреждено самим Христом. Церковь не в силах соединить ритуал с благодатью так, чтобы actus sacramentalis (акт таинства [освящения]) осуществлял присутствие и действие благодати, т.е. res et sacramentum (дело и таинство [освящение]). Таким образом, выполняемый священником ритуал не есть causa instrumentalis (действие орудийное (т.е. могущее изменить, реформировать что-либо)), но только causa ministerialis (действие служебное [т.е. ритуальное]). "Но наше почтение к фактам не нейтрализовало в нас всей религиозности. Само оно чуть ли не религиозно. Наш научный настрой набожен" (James W. Pragmatism. 1911. P. 14 et seq.). Религия есть то, что предопределяет заботу и почтение по отношению к некой высшей сущности, которую обычно называют божественной (Цицерон. Об изобретениях. Кн. 11). Добросовестно говорить (-говорить) из доверия к клятве (Цицерон. Речь в защиту М.Целия, 55). Генрих Шольц (Religionsphilosophie. 1921) настаивает на сходной точке зрения; см. также: Pearse H.R. A vindication of Paul. 1936. ^Jung C. Studies in Word-Association. L., 1918. 7 Frazer J.G. Taboo and the Perils of the Soul. 1911. P. 30 et seq.; Crawley A.E. The Idea of the Soul. L., 1909. P. 82 et seq.; Uvy-Bruhl L. La Mentalite Primitive. P., 1922. passim. 8 Feun. Runnig Amok. 1901. Ninck M. Wodan und germanischer Schicksalsglaube. Jena. 1935. 7 Levy-Bruhl L. Les Fonctions Mentales dans les Societes Inferieures"; Idem. La Mentalite... Chap. III, "Les Rites". Naessmann Fr. Wortempfang und Symbol In der alttestamentlichen Prophetie.

Glessen,

1932.

В превосходном трактате о сновидениях Бенедикта Перериуса (Pererius Benedictus S.J. De Magia. De Observatione Somniorum et de Divinatione Astrologica libri tres. Coloniae Agripp., 1598. P. 114 et seq.) говорится: "... Бог же не связан никоим образом законами времени и не нуждается в благоприятствовании времен для действия; он где хочет, когда хочет и кому хочет внушает сновидением..," (P. 147). Следующий отрывок проливает свет на отношения между церковью и проблемой сновидений: "Мы читаем, что на встрече у Кассиана 22 древних монашеских руководителя и управителя прилежно занимались исследованием и устранением причин некоторых [различных] сновидений*" (P. 142). Перериус следующим образом классифицирует сновидения: "Многие [из них] суть природные, иные - человеческие, некоторые - божественные" (P. 145). Имеются четыре причины сновидений: 1) телесный аффект; 2) аффект неистового смятения ума посредством любви, надежды, страха или ненависти (P. 126); 3) власть и хитроумие демона, под коим понимается языческий бог или христианский дьявол. "Ведь может демон [познать] природные события, которые должны произойти по определенным причинам, может то, что сам собирается сотворить, может как настоящее, так и прошлое, сокрытое для людей, познать и людям объявить [это] посредством снов" (P. 129). По поводу интересного диагноза демонических сновидений автор говорит: "... можно заключить, какие сны посланы демоном: прежде всего - если часто случаются сны, сообщающие о будущем или о тайном, познание которого не приносит пользы ни себе, ни другим, но лишь приводит к тщетной гордости мелочным знанием или к причинению кому-либо зла*" (P. 130); 4) сновидения, посланные Богом. Относительно знамений, указывающих на божественную природу сновидения, он говорит: " ... об особой значимости того, что обозначается посредством сна: неудивительно, что посредством сна людям становится известно то, познание чего человеку удастся только с Божьей помощью и благодатью. [Это явления] такого рода, какие в учениях теологов

называются будущим, соприкасающимся [с настоящим], тайны сердец, которые в сокровенных тайниках души глубоко сокрыты от всякого понимания людей; затем это - особенно важные для нашей веры таинства, открывающиеся только Божьим научением ... кроме того, то, [что это божественно], более всего выясняется благодаря внутреннему просветлению и побуждению души, которым Бог так дух озаряет, так волю наставляет, так делает человека уверенным в истинности и авторитете этого сна, что такой человек ясно сознает и уверенно судит о том, что сам Бог - творец этого сна, и ему должен, и желает верить без всякого сомнения" (Р. 131). Так как демон, как было указано выше, также способен вызывать сновидения, точно предсказывающие будущие события, автор добавляет цитату из Григория о том, как умело дьяволы предсказывают будущие события (Dialog. Lib. IV. Cap. 48); "Святые мужи иллюзии и откровения, голоса и отголоски видений различают внутренним чутьем, так что они знают, что они воспринимают от доброго духа. а что претерпевают от обманщика. Ибо если бы разум человеческий не был защищен от этого, то из-за [злого] духа-обманщика он погрузился бы в великую тщету, хотя он [разум] нередко говорит достаточно много истинного, чтобы мочь вытянуть душу из какой-нибудь лжи" (Р. 132). Это кажется желанной защитой от той неопределенности, которая возникает, когда сны сами по себе обращаются к "главным таинствам веры". В своей биографии Св. Антония Афанасий дает некоторое представление о том, как умелы дьяволы в предсказании будущих событий (см. WallisE.A. Budge The Book of Paradise. L., 1. P. 37 et seq.). Согласно тому же автору, они появляются иногда даже в образе монахов, поющих псалмы и громко читающих Библию, делающих замечания о моральном облике братии, которые вводят в соблазн (Р. 33 et seq., 47). Впрочем, Перериус, кажется, доверяет предложенным им критериям и продолжает: "Точно так же природный светоч нашего разума заставляет нас ясно понимать истинность основных первоначал, ибо здесь мы без всяких доказательств постигаем нашим ощущением. То же совершает с помощью

снов божественный светильник, озаряя наши души, и такие сны мы воспринимаем как божественные и полностью им доверяемся". Перериус не касается опасного вопроса о том, почему всякое несокрушимое убеждение, полученное во сне, обязательно является доказательством его божественного происхождения. Он просто принимает как нечто само собой разумеющееся то, что сновидения такого рода будут естественным образом иметь характер, соответствующий "главным таинствам веры", а не какой-нибудь иной. Гуманист Каспар Пейцер (в своих *Commentarius de Praecipuis Generibus Divinationum, etc. Witebergae 1560 de divinat. ex somn. P.270*) высказывается по этому поводу значительно определеннее и сдержаннее: "Божественные сны суть те, которые по божьему внушению объявляют святыя предзнаменования, но не всем подряд, не домогающимся и ожидающим исключительных откровений по своему ожиданию, но святым отцам и пророкам по божьему суждению и воле, не о легких предприятиях или незначительных, сиюминутных делах, но о Христе, о правлении церкви, о заповедях и их порядке, о других дивных событиях. И Бог им дарует точные свидетельства, такие, как дар понимания, о которых известно, что они не случайно возникают, рождаясь в природе, но назревают по божьему внушению".

Его скрытый кальвинизм ощутим в этих словах, особенно если сравнить их с *theologia naturalis* его католического современника. Вероятно, намек Пейцера на "откровения" относится к еретическим новациям. По крайней мере в следующем параграфе, где речь идет о *somnia diabolic! generis* (сны дьяволические) он пишет: "Ибо анабаптистам, энтузиастам (исступленным) во все времена и подобным им фанатикам... является дьявол". Перериус с большей проницательностью посвящает целую главу вопросу: "ошващали христианину отгадывать сны?" В первой главе он приходит к выводу, что важные сны подлежат рассмотрению. Я привожу его слова: "Ведь сны, которые нас волнуют и побуждают обдумывать преступления, внушаются нам демоном: напротив, те, которые нас побуждают и направляют к добру,

как и к безбрачию, щедрости в подаяниях, вхождению в религию, те посланы нам Богом; и понимать это свойственно душе не суеверной, а религиозной, разумной, озабоченной своим спасением". Но только глупцы станут рассматривать всякие прочие пустопорожние сны. Во второй главе он отвечает, что никто не должен и не может истолковывать сны, "кроме вдохновенного и сведущего по божьему промыслу". "Никто не знает, - добавляет он, - что принадлежит Богу кроме духа Божьего* (R. Cor. I, 2, 11). Это утверждение, само по себе в высшей степени истинное, оставляет искусство истолкования за теми лицами, кто ex officio (по обязанностям) наделены donum spiritalis sancti (даром Святого Духа). Очевидно, впрочем, что автор-иезуит не мог рассматривать вопроса о descensus spiritalis sancti extra ecclesiam (сошествии Святого Духа вне церкви). Jung C. Traumsymbole des Individualisationsprozesses // Eranos-Jahrbuch. 1935. Zurich, 1936. Хотя приводимые мною сновидения упоминаются в этой публикации, они рассматриваются в ней под иным углом зрения. Так как у сновидений много аспектов, их можно изучать с различных сторон. Freud S. Traumdeutung. Vienna. 1900 (английский перевод Interpretation of Dreams). Herbert Silberer (Der Traum. 1919) выдвигает более осторожную и сбалансированную точку зрения. По поводу моих расхождений с Фрейдом я отсылаю читателя к небольшому эссе, опубликованному в книге Modern Man in Search of a Soul. L., 1933. См. также: Two Essays on Analytical Psychology. 1928. P. 83; Krone W.M. Secret Ways of Mind. N.Y., 1932; Adler G. Entdeckung der Seele, Zurich, 1934; Wotff T. Einführung In die Grundlagen der Komplexen Psychologie // Die Kulturelle Bedeutung der Komplexen Psychologie. B., 1935. S. 1-168.

Ср. отношения между бдином, как богом поэтов, провидцев и неистовых энтузиастов, и мудрым Мимиром, а с другой стороны, отношения между Дионисом и Силеном. Имя "бдин" одного корня с галльским ovsnch, латинским vales, сходным с /

17 В "Вотане" *Neue Schweizer Rundschau*. Heft 11. 1936. Сокращенное издание в *Saturday Review of Literature* (Oct. 16, 1937). Параллели с Вотаном в творчестве Ницше можно найти: 1) в поэме 1863-1864 гг. "Неизвестному Богу"; 2) *Klage der Ariadne. Also sprach Zarathustra*. S. 366; 3) *Also sprach Zarathustra*. P. 143, 200; 4) сон о Вотане в 1859г. Foentcr-Nietzsche E. *Der werdende Nietsche*. 1924. S. 84

18 *Two Essays*. P. 202. *Psychological Types*. 1923. P. 588, 593; *Ober die Archetypen del collectiven Unbewussten // Eranoe-Jahrbuch*. 1934. S. 204; *Ober den Archetypus alt beeondercr Bcriicksichtigung des Animabegriffes // Zeniralblalt fur Psychotherapie*. IX. 1936. S.259.

19 *Zentralblatt fur Psychotherapl*. IX. 1936. S. 259.

^Affflitou/E-./anff/ord Л. Her Life, Letters, Diary and Work. L., 1896. P. 129.

Положение о гермафродитической природе Божества в "Corpus Henneticum", Ub. 1 (ed. W.Scott, *Hermetica*. 1. P. 118: SfsvoSs^vpSnosappevouiiXvsZv), вероятно, заимствовано из "Пира" Платона. Остается вопросом, были ли позднесредневековые образы гермафродита заимствованы из "Поимандреса" (Corp. Herm.,, Ub. 1), так как он был практически неизвестен на Западе до публикации трактата в 1471г. Марсилио Фи-чино. Не исключено, однако, что один из редких в те дни знатоков греческого нашел эту идею в одном из существовавших греческих кодексов, например, в *Cod. Laurentlanus*, 71, 33 XIV в., в *Parisinus Grace*. 1220, XIV в.и *Vallcanus Grace*. 237 и 951 XIV в. Более древних кодексов не имеется. Первый латинский перевод Марсилио фично вызвал сенсацию. Но ранее гермафродитическне символы встречаются в *Cod. Germ. Monac*. 598, 1417 г. Более вероятно, что символ гермафродита был заимствован из арабских или сирийских источников, перевевенкых в XI-XII вв. В старом лапшском *Tractatus Avicennae* с сильным влиянием арабской традиции мы читаем *Tractatus Aureus Hennelis* арабский по происхождению и принадлежит к *Corpus Henneticum*. Его история неизвестна (впервые опубликован в *Ars Chemica*. 1566). Доми-никус Гнозиус написал к тексту комментарий в "I

lennelis Trismegisti Tractatus vere Aureus de Lapidis Philosophici Secrelo cum Scholiis Dominici Gnosii" (1610). Он пишет: "Как за телом, находящемся на солнце, постоянно следует тень ..., так наш гермафродит Адам, поскольку в мужской форме являет сокрытую в теле Бву. всюду с собой женщину [женское начало] несет" (Р. 101). Этот комментарий вместе с текстом воспроизводится в Mangetti // Bibl. Chem., 1702.1,401. Описание обоих типов см. Two Essays... 11, 202 et seq. См. также "Психологические типы", определение 48, а также Juns E. Ein Beitrag zum Problem des Animus // Wirklichkeit der Seele. 1934. S. 296. Епископу позволяется иметь четыре свечи во время приватной мессы. Во время некоторых особо торжественных месс (например, missa cantata) их тоже четыре. Но еще более высокие формы требуют шести и семи свечей.

t Origenes, in Jerem. horn. XX,3-;3.

Из пифагорейской клятвы: oi: ob fci той &^нера yevea para&ovia fonpcrfrw, лауау atvaovp^wfun^ovaiw.СМ. Z

"Четыре" в химической иконологии предстает главным образом в форме четырех евангелистов с их символами, соединенными в "розу", в круг или melothesia либо как tetramorphus, например в "hortus dis dclicularum" Геррада фон Ландсперга и в трудах по мистической спекуляции. Я укажу ту только:

- 1) Jacob Boehme. XL Questions concerning the Soule propounded by Dr. Balthasaasar Waller and answered by Jacob Behmen. L., 1647; 2) Hildegard von Bingen, Cod. Luce., :, fol. 372, Cod. Heidelb. Sclicias, образ мистической вселенной; S.Ch.Singer, Studies in the he History and Method of Science. 1917);
- 3) замечательные рисунки Опицинуса де Канистрис"иса Cod. Pal. Lat. 1693, Vatican Libr.; S.R.Salomon, O.d.S. Weltbild und Bekentnisse eines avignilgnoner.sischen Clerikers des 14 Jahrhunderts. 1936; 4) Генрих Кунрат - "monas catholica" (всеобщая единица) проистекает из вращения "quarlernarium". Monas интерпретируется как imago allegoria Christi (Vom hyleallschen, das ist, primateiialischen Chaos, 159""597, S. 204, 281). Дальнейший материал в Amphltheatnim Saplentlae Aetemaе, 1608; 5)

спекуляции о кресте "рассказывают, что крест был сделан из четырех пород дерева"). - Е- Бернад в *Vills Mystica*, cap., XLVI; Meyer S.W. *Die Geschichte des Kreuzholzes vor ChiChristus*, Abhandl. d.k. bayerisch. Akad. d. Wissenschaften, 1881, 1, Cl. XVI, Bd. 11, Abh., |., P. 7). Относительно "четверицы" см. также Dunbar, *Symbolism in Medieval Thought and Its Consummation In the Divine Comedy*, 1929, passim.

Я имею в виду системы Исидора, Валентина, Марка и Сегунда. Самым поучительным является символизм Моногеэгена в *Cod. Brucianus* (Bruce Ms. 96, Bodleian Libr..., Oxford, C.A.Baynes, *A Coptic Gnoseostic Treatise, etc.*, 1933. p. 59 et seq., p. 70 et seq.).

Я отсылаю к мистической спекуляции о четырех корнях (рчрш^ипа Эмпедокла) -четырем элементам и четырем качка чествам (влажное, сухое, теплое, холодное), характерным для герметической и алхимической философии. Их образы представлены в *Janus Lacinius, Pretiosa Margarita Novellatlla, etc.*. 1546, "Artis metallicaе schema", опирающаяся на quatematio в *Johannes Aug. Panthnlheus, Ars Transmutationis, etc.*, 1519, p. 5; quatematio elemenloram и химический процесс в *Raymundi Lulli, "Practica"* (*Theatr. Chem., Vol. IV, 1613, p. 174*); символы четырех зх элементов в *M.MaJer, Scrutinium Chymicum, 1687*. Последний написал интересный трактат *De Circulo Physico Quadrato, 1616*. Сходная символика у *Mylius, Philosophia Reformiattnata, 1622*. Об образах герметического спасения из "Пандоры" и из *Cod. Germ.Monac., N .N 598* в форме telras с евангелическими символами см. *Die ErIOsungsvorstellungen in tin der Alchemic // Eranos-Jahrbuch. 1935. S. 54*. Дополнительный материал в *H.KuckelhaustUS Urzahl und Gebardc, 1934*. Восточные параллели прослеживаются в *Zimiiw H. Kunstfeslform und Joga in Indischen Kullblld, 1926*; *Wilhelm and /ung. The Secret of the Golden Flo-f lower, 1931*. Сюда относится и литература о символике креста (*Zoeckler, Das Kreuz Christusti, 1875*).

^ Относительно определения бса бессознательного см. *Psychological Types. 1923. P. 613*.

8 Two Essays. 1928. P. 252 et seq.

^ Я отсылаю читателя к Claudlrdlus Popelln. Le Songe de Pollphile ou Nypnerotomachle de Frere Francesco Colonna. P., 188>3. 3. Vol. II. Эта книга написана монахом XV в. - превосходный пример "мистерии души", ч". Ризы служат священнику ну не только как украшение во время службы, они также защищают его.

1! См: Psychological Types. P. 5.'. 554 et sqq., s.v. "Imago". Термин "archetypus" использовался Цицероном. Плиннем и др. Он отчетливо выступает как философское по свосвоей природе понятие в Corp. Herm., Lib.t (W.Scott. Hermetic" 1,116).

* ^ Bastion A. Das Bcstandige in dn den Menschenrassen. 1868. S. 75: Idem. Die Vorsiehlungen von der Seele (in Virchow u. Holtzeilzendorff. Wissenschaftl. Vortage, 1874. S. 306); Idem. Der Volkergedarkc Im Aufbau ciner Wissenschaftl vom Menschen. 1881; Idem. Ethntechc Elementargdanken in der Lehre vom Menschen. 1895. Ницше. "Человеческое, слишком человеческое".

15 Hubel et Mauss, Melanges D'Hisloire des Religions. P., 1909. Preface. P. XIX: "Постоянно пркутствующие в языке, но не выраженные в нем явно без необходимости категории существуют в формах, руководящих сознанием, но сами они неосознаваемы. Значение шаги относится к таким первоосновам: (этот термин] присутствует в языке, он включен в (елый ряд суждений и соображений, связанных с определениями, которые относятся кшапа; поэтому мы можем сказать, что mana - это категория. Но mana - не просто катгория первобытного мышления, и в наши дни, в движении к упрощению [будучи упрощенной], это - первичная форма, воплощенная в тех, которые постоянно ис-пользуютсяв нашем сознании, такие, как сущность, причина".

LfvyBruhl L Les Fonctlons Meniales dans les Socletes Inferieures (M.E.Durkheim, Travaux Del'Annee Sociologique).

17 Psyciology of the Uncosclous, 1927; Wilhelm and Jung, the Secret of the Golden Flower. 193 ; Traumsyinbole dcs Ind. Proz. // Eranos-Jahrbuch, 1935.

Относительно природы telractys см.: Secret of the Golden Flower. P. 96; "Тгаствуягняе ileylml. Proz": "Trig Relailun beiwccii Ego and the Unconactoos". P. 252 et sqq. (two Essays, 1928); Hauer, "Symbole und Erfahrung des Selbsles in der Indo-Asischen Mystik" // Iranos-Jahrbuch, 1934. P. 1 et sqq. Проблема превосходно представлена Michael Majer, De Circulo Physico Quadrato, etc. 1616.

20 Plato Timaeus, 7. J.Ch.Sleebus, Coelum Sephirolicum, 1679. P. 15.

21 Steetis, Coelum Sephirolicuiii, P. 19. M. Majer (De Circulo, P. 27) пишет: "Circulus aetemltatis iybolum sive punctum indlvibile". Относительно "круглого элемента" ср. Turba Phllowphorum (ed. Ruska, Scnno XLI. P. 148). где упоминается "круг, который вращает медь га четыре стороны". Раска полагает, что в греческих источниках нет такой символики Это не вполне верно, поскольку в яе/и оруамw Зосимы мы находим moifuov т 'Benhelot, Coil. d. Anciens Alchemlstes Crecs., III, XLIX, 1). Та же символика содержится", вероятно, и в лоп^а Зосимы (Berthelot, III, v bis) в форме лгрлг;кспч', наполненный панспермией [всеоплодотворенностью] всех вещей..." Эти идея возвращают нас к "нисхождению", или "падению Божества" в гностических системах (

"В м.ре есть круглая рыба. лишенная костей и панциря, в ней есть жир [влажная первооснов - душа мира], сокрытая в материи" ("Allegoria super Turbam", Art. Aurif. 1593,1.14).

-J Ti.".....-. Г" Ч

Тима;us. P. 7. См.фим.21.

- ""Ибо подобно тому. как небо видимое... округло в форме и движении, ...таково и золото""". (Majer M. De Circulo. P. 39).

Rosarium Phllosophorum (in Art, Aurif. etc. 1593. II, 261). Трактат приписывается Петруссу Толетанусу, жившему в Толедо в середине XIII в. Он был то ли старшим современником, то ли братом Арнальдуса из Виллановы, знаменитого врача и "философа". Нынешняя форма "Розария", основывающаяся на первом печатном издании 1550 г.. является I

компиляцией и, вероятно, она не древнее XV в., хотя отдельные ее части могли возникнуть и в начале XIII в.

27 SSympoeium XIV.

~ ГПетрус Бонус в Janus Lacinlus, Pretiosa Margarita Novella, etc., 1546. Переиздано в Theatr.-Chem., 1622, p. 567 et sqq. и в MangettJJ. Bibl. Chem. 11. 1702,1 et sqq. Относительно 1 allegoria Christ) см: Eriosungsvorstcllungcn // Eranos-Jahrbuch. 1936. P. 82.

' I Beat! Thornae de Aquino, Aurora sive Aurea Нога. Полный текст в редком издании 1625 г.: Harmoniae Imperscrutabilis Chymico-Philosophicae sive Philosophorum Antiquorum Consenntientium Decas 1. Francofurti apud Conrad Eifridum. Anno MDCXXXV (Brit. Mus. Ubr., 1033, dd. 11). Наиболее интересной является первая часть трактата Tractatus Parabolarum, опущенная в силу "богохульного" характера в изданиях 1572 и 1593 гг. В Artis Auriferae, etc. Co*xl. Rhenovac. центральной цюрихской библиотеки отсутствуют около четырех глав Tract. IParab. В Cod. Parisin. Fond Latin 14006 парижской национальной библиотеки имеется полный текст Tract. Parab.

' Хороший пример содержится в комментарии Д. Гнозиуса к Tract.Aur. Hennetis (перепечатан в Theatr. Chem. IV 1613. 672 и в Mangeiti J .J. Bibl. Chem. 1, 1702.400).

31 | В Aurea Нога, loc.cit. (см. прим. 29) Зосима пишет (Benhelot. Alch. Grecs., III, XU, X

3 EB Aurea Нога, см. прим. 29. Латинский текст см. ч. III, прим. 36.

33 EEriosungsvorstcll. i.d. Alchemic // Eranos-Jahrbuch 1936. P. 20.

34 i Charlotte A.Baynes, A Coptic Gnostic Treatise contained in the Codex Bruclanus. Cambri-idge, 1933. P.22, 89, 94.

iRosarim Philosophorum (Art. Aurif. 11, 204 et sqq.), будучи одной из первых попыток синнопсиса, дает обширные сведения о средневековой четверице.

30 С Ср. палеолитическое (?) родезийское "солнечное колесо". "" 1;Я не имею в виду догмата о человеческой природе Христа.

. Я отсылаю главным образом к работам, содержащим алхимические легенды

(Lehreiszählungen). Хорошим примером может служить Majer M. *Symbola aureae mensae duodecim nationum*. 1617, содержащая символическое peregrinatio (паломничество), p.569.

Насколько мне известно, в алхимической литературе нет жалоб на преследования со стороны церкви. Авторы обычно говорят иносказаниями о страшной тайне magisterium как причине секретности. См: Pandora. 1588 (превознесение тела в форме успения Девы Марии). Августин также символизировал Деву посредством земли. "Истина родилась от земли, как Христос родился от непорочной девы" (Senones. 188.1,5. P. 890). То же самое у Тертуллиана: "Эта земля - дева, еще не политая дождями, не оплодотворенная ливнями" (Abd.Itud.,13,P.199A)

III

Psychology of the Unconscious. Повторение древнего символа oipoffopot. хвостоеда".

Восточным аналогом является "циркуляция света" в китайском алхимическом трактате "Тайна золотого цветка", изданном Р.Вильгельмом и мною.

4 Budge W. *Osiris and the Egyptian Resurrection*. 1.3; Idem. *Book of the Dead*, facsimile, 1899. Pl. 5. В манускрипте VII в. (Геллоне) евангелисты представлены с головами символизирующих их животных - вместо человеческих голов.

* Пример в "Тайне золотого цветка".

6 Kazi Dawa-Samdub, "Shrichakrasambhara Tantra". *Tantric Texts*, ed. Arthur Avalon, Vol. VII, 1919.

7 Abbe Joseph Delacotie, Guillaume de Digulleville, *Trois Romans-Poemes du XIV-e Siecle*. Paris, 1932.

8 См.: Eisler R. *Weltenmantel und Himmelszelt*, 1, 85 et seq.

9 См.: Teller, *Griech. Phil.* 111 Th., p. 120. Согласно Архиту душа является кругом или шаром.

*R См. заклинания в "Деяниях Фомы" (Mead, *Fragments*, P.422).

- * * См. определения 48 и 49 в Psychological Types. P. 588.
- *2 Особым случаем является так называемая "низшая функция". См. опр. 30-е в Psychological Types. P. 563.
- У гностиков четверица имеет определенно женскую природу. См.: Irenaeus. Advers. Haer., cap. XI.
- 14 Об ассимиляции Тени см.: Psychological Types. P. 203.
- 15 См.: Mead, Fragments. P. 231. Экзегеза того же типа в Pistis Sophia (Schmidt C. Pistis Sophia. 1925. P. 215).
- 1** В тибетском буддизме четыре цвета связаны с психологическими свойствами (четыре формы мудрости). См.: (Evans-Wentz. The Tibetan Book of the Dead, 1927. P. 104).
- 17 См. определение 51 в Psychological Types. P. 585. '8 О психологии маидалы см. Secret of the Golden Flower. 1931. P. 96.
- 19 См. определение 46 в Psychological Types. P. 585.
- 20 См.: Hauer. "Symbole und Erfahrung des Selostes in der Indo-Arischen Mystik" // Eranos-Jahrbuch. 1934. P. 35.
- 21 О понятии "релятивность Бога" см.: Psychological Types. P. 297.
- 11
- Этот факт соответствует теории анимизма.
- О понятии "инфляция" см. Two Essays. P. 145.
- 24 Berthelot, Alch. Grecs. IV. XX. Согласно Ф. Шервуду Тэйлору (F. Sherwood Taylor. A Survey of Greek Alchemy // Journ. of Hellenist. Stud., L. 109), вероятно, древнейший греческий текст первого века. См. также J. Hammer Jensen. Die altcste Alchemic. 1921.
- 25 Berthelot. Alch. Grecs.. 111.1. 26
- Scott. Hennetica, 1924. Berthelot, Alch. Grecs., 11,1 cisqq.
- Уже у ранних греческих алхимиков мы встречаемся с идеей о "камне, содержащем в себе дух" (ср. Berthelot. Alch. Grecs.. 111. VI). "Камень" - это первоматерия, называемая Хюле. Хаос или massa confusa (сметная масса). Эта алхимическая терминология основывается на платоновском "Тимее".

Так, Стеебус И.Х. (*Coelum Sefhiroticum, etc.*, 1679) цитирует (Р. 26): "Материей же, которая должна быть вместилищем и матерью всего, что сотворено и что может восприниматься, не должны называться ни земля, ни воздух, ни вода, ни огонь, ни то, что из них состоит, ни то, из чего они состоят, но это - особый вид, который не может восприниматься, бесформенный, все порождающий". Тот же автор (*Ibid.*) называет *prima materia* также "перворожденная хаотическая бесформенная земля, Хюле, Хаос, бездна, мать вещей... Та первичная хаотическая материя... Увлажненная небесными потоками, изукрашенная бесчисленными Божьими идеями была". Он объясняет, как Дух Божий нисходит в материю и что с ним так происходит (Р.33): "Дух Божий единым теплом вышние воды оплодотворил и сделал их подобными молоку (словно молочными)... Произвел, следовательно. Дух Святой тепло в вышних водах небесных, силу всепроникающую и всеосвежающую, которая соединяется со светом в глубинах царства минералов ртути [ртути]. (что относится равным образом к железу Асклепия, поскольку змея также является истоком "всеобщего исцеления" [панацея], о животном растительном порождает благословенную зелень (хлорофилл), в одушевленном (животном) - пластическую возможность, так и горный дух, брачующийся со светом, воистину может быть назван душой мира" (Р. 38). "Подземные воды окутаны тьмой и поглощают во вместилища своих извилов потоки света". Эта доктрина базируется на гностической легенде о Мусе, нисходящем из высших сфер и пойманном в объятия *physis*. Меркурий у алхимиков является "летучим" - Абуль-Касим Мухаммад (*Kitab al'il al muktasab, etc.* XIII в. ed. E.J.I Iolmyard, 1923) говорит о "Гермесе летучем" (Р. 37) и во многих местах ртуть именуется "-spirilus". Более того, ртуть понималась как Гермес-психопомп, показывающий путь к Раю (см.: Майер М. *Symb. aur, тепа.*, р. 592). Это очень сходно с ролью Спасителя, приписываемой Нусу в *Erficw spbs taS* (Scott. *Henetica*, 1, 149). У пифагорейцев душа полностью пожирается материей, за единственным исключением - разумом (см. Zeiler.

Griech. Phil. III. Th. P. 158).

В древнем Комментариолусе к *Tabulam Smaragdinae* Гортуланус говорит о *massa confusa* или о *chaos confusum*, из коего был сотворен мир и из которого происходит также мистический ляпис. Последний отождествлялся с Христом, начиная с XIV в. (Петрус, Бонус, 1330). В *Epilogus Onclii* (Th.Chem. VI, 314) говорится: "Спаситель наш Иисус Христос... две природы в себе содержит. Также спаситель смертный из двух частей состоит: из небесной и земной..." Точно так же заключенный в материю Меркурий отождествляется с Духом Святым; И.Грассеус в "*Area Arcani*", *Theatr. Chem.* (VI.314) цитирует:

"Дар Святого Духа - это свинец философов, который называется свинцом воздуха, в нем находится блистающая белая голубка, которую называют "соль металлов", в нем - руководство к делу [действию]". Относительно экстракции и трансформации хаоса у Христофора Парижского (*Elucidarius*, *Theatr. Chem.* VI, 228) говорится: "В этом хаосе, действительно, в потенции существует названная важная [драгоценная] сущность, смешанная в единую природу масса. Поэтому человеческий разум должен к ней приложиться, чтобы наше небо побудить к свершению". "*Coelum nostrum*" (наше небо) относится к микрокосму и именуется также "*quinta essentia*" (пятая сущность, т.е. первооснова, квинтэссенция). *Coelum* (небо) это *incorrupibile* (нерушимое) и *immaculatum* (незапятнанное). Иоханнес де Рупер-цисса (*La Vertu et la Propriete de la Quinie Essence*. Lyon, 1581. P. 18) называет его "*le del humaia*" (человеческое небо). Очевидно, что философы переносили видение золотого и голубого кругов на свое *augur philosophicum* (философское золото), которое называлось также *rotundum* (колесо), (см.: Majer M. *De Circulo*. P. 15), а также на их голубую квинтэссенцию. Термины Хаос. *massa confusa*. были, по свидетельству Бернарда Сильвестра, современника Вильгельма из Шампо (1070-1121) общеупотребительными. Его работа "*De Mundi Universalitate Libri duo sive Megacosmos et Microcosmos*" (ed. C.S.Barach and J.Wrobel Innsbruck, 1876) имела широкое влияние. "Первичная

материя - это Хюле. смешение" (Р. 5, 18). "Управляющая масса, бесформенный хаос, воинственная материя". "Разноцветный лик сущности, несозвучная себе масса [громада]" (Р.7, 18). "Громада [масса] смешения" (Р. 56, 10). Бернад следующим образом пишет о нисхождении духа: "Мир движется нисхождением Юпитера в лоно супруги и заставляет землю рождать".

Другой вариант - идея Короля, погруженного или сокрытого в море (Majer M. Symb. aur. mens., p. 380; Visio Arisiiei. Art. Aurf. 1,146). Например, гений планеты Меркурии открывает тайны псевдо-Демокриту (Berthelot. Alch. Grecs., 1, 236). Rupescissa l.de. La Verlu. etc., p. 19. Джабир в "Книге сострадания" говорит, что философский камень равен микрокосму (Berthelot. La Chimie au Moyen Age. 1,111. p. 19). Легко предположить, что алхимики находились под огромным влиянием аллегорического стиля патристической литературы. Они даже провозглашали некоторых отцов церкви представителями царского искусства, например Альберта Великого, Фому Ахвинского, Алана Инсулийского и т.д. Тексты вроде Aurea Noxa или Aurora Consurgens полны аллегорических толкований Писания. Они даже приписывались Фоме Ахвинскому. Вода использовалась как аллегория Святого Духа: "Вода живая благодаря Святому Духу" (Rupertabl. Migne, Patrolog. Curs. Compl. CLXIX, 353); "Вода Святого Духа текущая" (Бруно Св. Herbipol, loc.cit. CXLII, 293); "Вода Святого Духа истечение" (Garner, de S.Victore, loc. cit. CXIII, 279). Вода - это также аллегория человечности Христа (S.Gaudentius, loc.cit. XX, 985). Очень часто вода предстает как роса (роса Гедеона). Роса также есть аллегория Христа: "Роса видна в огне" (Roman S. De Theophania; Pitra l.V. Analecta sacra, etc., Paris, 1876.1. 21). "Теперь роса Гедеона струится в землю*" (Roman oS., loc.cit., p. 237). Алхимики наделяли aqua perpetua (постоянно текущая [постоянная], вечная вода) добродетелью, которую они называли "цветком". Она имела силу

преображать тело в дух и придавать ему нетленные свойства (*Turba Philosophorum*, ed. Rusca, 1931, P. 197). Вода также именовалась уксус, "которым Бог завершил творение, с помощью которого и тела приемлют дух и духовными становятся" (*Ibid.* P. 126). Другое ее имя "*splritualis sanguis*" (*Ibid.* P. 129). *Turba* - ранний латинский трактат XII в., переведенный с арабского оригинала - компиляции 9-10 вв. (Раска). Содержание его, впрочем, восходит к эллинистическим источникам. Христианское иносказание об "*splritualis sanguis*" может быть связано с византийским влиянием. *Aqua perm.* (вечная вода) - это Меркурий, *argenlum vivum* (Hg) (живое серебро). "Живое серебро - это наша прекраснейшая [блистательнейшая] вода" (*Rosarium Philosophorum*, Art. Aurif. 11, 213). *Aqua* также называлась "огнем" (*Ignis. Idem*, p. 218). Тело преобразуется водой и огнем - тут полная аналогия христианской идее крещения и духовного преобразования.

Missale Romanum. Ритуал древен и известен как "малое [большое] благословение соли и воды" примерно с VIII в. В "Исиде-пророчице, обращающейся к своему сыну" (*Berthelat. Alch. Grecs.*, 1, XII. I et sqq.) ангел приносит Исиде небольшой сосуд, наполненный прозрачной водой - *arsanum*.. Это очевидная параллель кратеру Гермеса и Зосимы (Едыо? яро" тгы Corp. Негш.), где содержимым является Нус. В Фиоиса кси *fivaiiui* псевдо-Демокрита (*Berthelot. Alch. Grecs.*, 1, 65) божественная вода приносит преобразование, выводя на поверхность "скрытую природу". В трактате Коариоса мы обнаруживаем чудесные воды, текущие из нового источника (*Derlhelot. Loc.cil.* 11, 281). Гнозиус (в *Hennells Trismegisli Tractaius vere Aureus, etc., cum Scholiis Dominlcl Gnosll*, 1610. P. 44, 101) говорит о "*Hennaphrodilus nosier Adamlcus*" (наш Адамов Гермафродит), когда имеет дело с чКисрицей или с кругом. Центр - это "посредник, творящий мир среди неприятелей", явно являющийся примиряющим символом (см. *Psychological Types*. P. 264 et sqq.). Гермафродит выводится из "*draco ee Ipsun Imoraegnans*" (дракон, себя

оплодотворяющий) (см. Art. Aurif., 1, 303), Меркурия, anima mundi. М.Майер (Symb. aur. mens., p. 48) ссылается на "doctrina Brachmanorum" (учение брахманов) говоря об Алоллонии Тиаиском; см. также Berthelot. Alch. Grecs., I, S. 87. Оброфиорас - это символ гермафродита. Гермафродит также именуется Rebit ("из двух сделанный") и часто предстает в апофеозе (например, в Rosarium Philosophorum. Art. Aurif., 11, p. 291,359; то же самое см. Pandora. 1588.P.253).

В Aurea Нога приводятся слова Сеииора: "Есть единое, что никогда не умирает, ибо постоянным возрастанием длится. Когда прославленное тело будет в последнем воскресении из мертвых... тогда Адам скажет первому и своим сыновьям: Идите, благословенные моим отцом" (Cod. Rhenobac, Zcntralbibliothek. Zurich).

Например, Алфидий: "Новый свет рождается от тех, у кого нет подобного света во всем мире" (Rosarium Philosophorum. An. Aurif. 11, 248; Hermes. Tract. Aur.).
38 Secret of the Golden Flower.
39 См.: Waite A.E. The Secret Tradition in Alchemy, 1926. Psychological Factors Determining Human Behavior. Harvard Tercentenary Publications. 1936